ВАДИМ ПРОСКУРИН
УРАГАН МЫСЛИ

SHOUT
SHARE
IT

- Вадим Проскурин
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

Вадим Проскурин
Киберволки

1

Старший оперуполномоченный Шерстобитов был весьма молод, на вид лет двадцати пяти, не больше. Был он среднего роста и телосложения, лицо его было умное и симпатичное, но ничем не примечательное. Одет он был в помятую белую рубашку без рукавов и светлые брюки, тоже помятые. Светло-коричневые летние туфли с верхом «в сеточку» были изрядно потерты, а концы шнурков — разлохмачены. На плече у него болталась потертая черная сумка на ремне.

Шерстобитов подошел к старенькому и чудовищно грязному «Гольфу» с треснутым лобовым стеклом, вытащил из кармана ключи и собрался уже нажать кнопку на брелке сигнализации, когда его перехватил я.

— Борис Романович? — спросил я.

Шерстобитов повернулся ко мне и долю секунду изучал испытующим взглядом. Раньше мы с ним не встречались, но по его глазам я понял, что он меня узнал.

— Илья Константинович, если не ошибаюсь? — ответил он вопросом на вопрос.

Я кивнул и протянул руку. Рукопожатие Бориса было умеренно крепким, создавалось впечатление, что его небольшие руки гораздо сильнее, чем кажутся.

Шерстобитов пробежался взглядом по стоянке и безошибочно опознал мой «Пассат».

— Пойдемте к вам, что ли, — предложил он. — У вас просторнее, да и стекла тонированные.

Надо было запросить на него более подробную справку. Что-то начинает мне казаться, что он не так прост, как полагает полковник Рогачев.

Минутой спустя Шерстобитов расположился на пассажирском сиденье, вытянул ноги вперед, чуть-чуть опустил оконное стекло, вытащил пачку «Кента» и закурил. Я тоже закурил. Шерстобитов покосился на пачку LM в моих руках и хмыкнул.

— Они мне нравятся, — пояснил я. — Раньше я вообще курил «Петра Первого», но в последние пару лет качество стало отвратительное.

— А вот Бессонов Сергей Юрьевич у «Парламента» всегда фильтр отрывает, когда никто не видит, — неожиданно сказал Шерстобитов. — Тяжело заниматься большим бизнесом — все время приходится хорошее впечатление производить. В джинсах на работу не ходи, дешевые сигареты не кури, в машине дешевле полтинника не езди.

— Абрамович все время в джинсах ходит, — заметил я.

— Ты еще Билла Гейтса вспомни, — хохотнул Шерстобитов. — Ничего, что я на ты?

— Ничего, — сказал я. — Мы с тобой не настолько старые, чтобы друг перед другом полчаса раскланиваться. И не настолько тупые. Знаешь, за чем я пришел?

— Конечно, знаю. Дать показания по делу Глотова.

Я подавился табачным дымом и закашлялся. Неожиданный у него взгляд на вещи, хотя, со своей точки зрения, он, несомненно, прав.

Шерстобитов с любопытством смотрел на меня, дожидаясь, когда я прокашляюсь и приду в себя. А потом спросил:

— Что рассказать хочешь?

Меня довольно трудно сбить с толку, но ему это удалось.

— Ну… — промямлил я. — Я вообще-то рассчитывал, наоборот, информацию получить…

— На халяву? — уточнил Шерстобитов.

— За кого ты меня принимаешь? — возмутился я. — Я еврейской жадностью не страдаю. Сэкономить сотню-другую баксов, конечно, приятно, но репутация важнее.

— Это точно, — согласился Шерстобитов. — Репутация у тебя хорошая, иначе мы бы с тобой не разговаривали. Историю про «МДМойл» слышал?

— Которую? Про то, как Медвежонка замочили? Или про то, как у них во время маски-шоу нашли документы про вашего полковника?

Эта история уже стала легендой. Один полковник милиции завербовал большого человека в службе безопасности одной большой компании. А потом случайно обнаружилось, что с точки зрения этой компании, дело обстоит совсем наоборот — начальник отдела внешней безопасности завербовал большого человека в московской милиции. Был скандал, который замяли, по слухам, шестизначной суммой в долларах, но ведь, если вдуматься, ничего скандального не произошло. Эйнштейн был прав, все в мире относительно, все зависит от того, с какой точки зрения смотреть на вещи. Что плохого в том, что два уважаемых человека обменялись взаимно интересной информацией к обоюдной пользе? Но бюрократам наверху трудно объяснить, что от обмена информацией пользы бывает больше, чем вреда, вот и приходится писать глупые бумажки с нелепыми словами. Вербовка проведена успешно, осведомитель докладывает… Тьфу!

— Ага, та самая история, — подтвердил Шерстобитов и выжидательно посмотрел на меня.

Я отреагировал точно так, как он ожидал.

— И в самом деле, — сказал я, — почему бы двум хорошим людям не завербовать друг друга? Только бумажки я подписывать не буду, это для лохов.

Когда мент вербует осведомителя, он всегда старается взять с него подписку о сотрудничестве. Юридической силы эта филькина грамота не имеет, годится она только для шантажа осведомителя, на случай, если он вдруг больше не захочет быть осведомителем. Менты всегда говорят, что без этой бумажки нельзя, но это неправда.

— Без базара, — сказал Шерстобитов. — Я тоже ничего подписывать не буду, — он вдруг хихикнул.

— Вот и замечательно, — сказал я. — Позавчера был убит Владимир Глотов, сотрудник ОАО «Кохинор». Мне хотелось бы почитать уголовное дело.

Шерстобитов вытащил из сумки CD-болванку в бумажном пакетике и положил ее себе на колени.

— Почитаешь, — сказал он. — Если что неясно, спросишь. А теперь можно я позадаю вопросы?

— Задавай, — согласился я и достал еще одну сигарету.

— Кем был Глотов?

— Сисадмин в «Кохиноре».

— Простой сисадмин? — Шерстобитов скептически посмотрел на меня и я поспешил уточнить:

— Не совсем. Формально его должность называется «главный консультант», фактически он был замом начальника IT-отдела. Он бы стал начальником, если бы был хоть чуть-чуть годен к административной работе. Если верить тому, что мне вчера рассказали, Глотов занимался всем техническим руководством, а Вронский, начальник отдела, выполнял только представительские функции. Подписывал бумаги, сидел на совещаниях…

— Чем занимается «Кохинор»?

— Не знаю.

— Да ну? — удивился Шерстобитов. — Ты же отвечаешь за их безопасность.

— Чтобы отвечать за безопасность предприятия, не обязательно вникать в детали производства, — сказал я, стараясь, чтобы физиономия была честной. — В таких делах чем меньше знаешь, тем лучше спишь. Они клепают что-то оборонное, а что именно, я никогда не выяснял. То ли прицелы для танков, то ли радары для вертолетов.

На самом деле работа на оборонку составляет менее десяти процентов всей деятельности «Кохинора». Оборонные заказы берутся не для того, чтобы на них заработать, а для того, чтобы получить статус режимного предприятия и тем самым сократить

взятки компетентным органам. Когда территория завода окружена забором с колючей проволокой, охрана вооружена короткоствольными автоматами, а каждую «Газель» с продукцией сопровождает живой ФСБшник, гораздо труднее прикопаться к тому, что большая часть продукции завода, мягко говоря, незаконна. Пиратские CD и DVD, микросхемы для адаптации «серых» мобильных телефонов к российским сетям, специфическое электронное оборудование, не поступающее в открытую продажу, но обязательно имеющееся в службе безопасности каждого серьезного банка, и многое-многое другое. Но Шерстобитову об этом знать не положено, мал он еще.

— Немного странно, — заметил Шерстобитов. — Я сегодня утром был в экономическом управлении, поговорил кое с кем из ребят, полазил по базам данных… Сдается мне, в «Кохиноре» не все чисто. Если взять открытые данные по «Кохинору» и сравнить… ну, ты понял.

Я пожал плечами и ничего не сказал. Невозможно скрыть абсолютно все следы противозаконной деятельности. Ассортимент и объем комплектующих и продукции, количество рабочих разных специальностей, заявленная прибыль, список выставок, круглых столов и светских тусовок, которые посещают руководители предприятия — если всю эту информацию собрать воедино и проанализировать, не так уж трудно определить, чем фирма действительно занимается, и как именно она пудрит мозги компетентным органам. Другое дело, что люди, способные сделать правильные выводы, давно прикормлены, равно как и их начальство. Если директор предприятия не борзеет, не зажимает положенную по понятиям часть прибыли, проявляет должное уважение к лицам, достойным уважения, и не занимается совсем уж нехорошими делами, вроде наркотиков или детской порнографии, то и милиция, и ФСБ смотрят на деятельность фирмы сквозь пальцы. На «Кохиноре» все эти условия выполнялись.

— Однако, не мое это дело, — резонно заметил Шерстобитов. — А почему, кстати, название такое странное?

— Название как название, — сказал я. — Около моего дома есть пивной ларек, называется «Вакханалия», вот это действительно странное название.

— Логично, — согласился Шерстобитов. — Но вернемся к нашим баранам. Почему ты ко мне обратился?

— Как почему? Убили нашего сотрудника. Если я ради Володи Глотова даже задницей не пошевелю, что обо мне люди подумают?

— Люди не заметят, шевелил ты задницей или нет, — сказал

Шерстобитов. — Кроме того, убийство из хулиганских побуждений — преступление специфическое, такие дела раскрываются только по горячим следам. Если в течение часа отморозков не поймали, потом их можно взять только чудом. Я бы на твоем месте не стал тратить много времени на это дело.

— А я и не трачу много времени, — сказал я. — Сейчас мы с тобой поговорим и если окажется, что в деле нет зацепок, я признаюсь в собственном бессилии и умою руки с чистой совестью.

— Ну это как-то даже неприлично, — укоризненно произнес Шерстобитов. — Ты, Илья Константинович, меня будто за дурака держишь. Ты уж извини, в этот детский лепет я никогда не поверю. Ты ведь что-то еще знаешь и это что-то вызвало у тебя подозрения.

Толковый, однако, парень этот Боря Шерстобитов. Если года через три он все еще будет работать в милиции, я сильно удивлюсь.

Но надо признаваться, а то и впрямь получается, что я его за дурака держу.

— Позавчера в пять вечера Глотов мне позвонил и мы договорились о встрече на следующее утро, — сказал я. — Вечером его убили.

— Вы с ним часто встречались?

— Лично — никогда. С IT у нас никогда проблем не было. Глотов свое дело знал хорошо, замечаний к нему не было. Хакеры не досаждали, вирусная атака была только одна, MSblast, но это в августе было, почти все были в отпусках, в том числе и Глотов, а когда он вернулся, за пару дней все исправил.

— Раньше он тебе звонил?

— Никогда. Я потому и занялся этим делом, что он мне позвонил.

— Враги у него были?

— Не было. На его место никто не претендовал, специалистов его уровня у нас больше не было, все это понимали и подсиживать его никто не пытался. По личным качествам он был нормальным мужиком, только сильно замкнутым, но хорошие программисты почти все такие. У него жена осталась с маленькой дочкой, — непонятно зачем добавил я.

— У компании сейчас все в порядке? Может, конкуренты волну катят, торговые войны какие-нибудь…

— У «Кохинора» нет конкурентов, — сказал я. — Оборонный рынок поделен очень четко, открытая конкуренция бывает настолько редко, что каждый случай становится событием. Есть, правда, конкуренция между поставщиками комплектующих, но

она к нашим делам отношения не имеет.

— Это точно, — согласился Шерстобитов. — Может, у Глотова личные проблемы были? «Шестисотому», например, в зад въехал…

— Я бы знал, — возразил я. — Мы такие случаи отслеживаем.

Я непроизвольно улыбнулся, потому что вспомнил одного товарища из Солнцевской группировки, который каждый месяц получает тысячу рублей в качестве компенсации за разбитую в хлам «семерку» БМВ. Служба безопасности «Кохинора» не дает в обиду своих сотрудников, даже тех, кого и стоило бы дать в обиду. Тот козел из отдела сбыта был сам виноват, что сел за руль в стельку пьяным, но если компания позволяет бандитам отнять квартиру своего сотрудника, такую компанию перестают уважать. Есть, конечно, шанс, что Глотов попал в передрягу, попытался выбраться из нее своими силами, убедился в тщетности попыток, позвонил мне, но было поздно…

Нет, невозможно. Во-первых, развязка в таких делах никогда не наступает *настолько* быстро. Бандиты идут на крайние меры не сразу и вообще, они очень не любят идти на крайние меры, что бы по этому поводу ни писали в желтой прессе. Замочить человека — дело дорогое и хлопотное, окупается оно редко. Обычно бандиты попугают, попугают, да и отстанут, если запугать не получилось. А во-вторых, и это главное, когда бандиты наказывают нехорошего человека, они не косят под малолетних гопников, они обставляют убийство так, чтобы всем было ясно, за что пострадал покойный и что будет с другими, которые захотят поступить так же.

— Тогда в чем дело? — спросил Шерстобитов. — Какие-нибудь версии у тебя есть?

Я пожал плечами.

— Оформленных версий нет ни одной. Если бы не тот звонок, я бы сказал, что это несчастный случай, от стаи наркоманов никто не застрахован. Но это даже не версия, это так, первое впечатление. Чтобы появилась версия, надо почитать вот это, — я указал пальцем на болванку, которую Шерстобитов все еще держал в руках.

— Держи, — Шерстобитов протянул мне болванку, — почитаешь на досуге. А пока слушай главное. Тело Глотова нашли за гаражами рядом с домом. Смерть наступила от многочисленных ударов тупыми предметами, предположительно, ногами. Закрытая черепно-мозговая травма, множественные повреждения внутренних органов, ну и по мелочи — переломы, ссадины… Забрали деньги, около тысячи рублей, и мобильный телефон. Ключи от квартиры и машины не взяли.

Шерстобитов произнес последнюю фразу с особенно интонацией. Я поразмыслил секунду и понял, в чем дело.

— Он приехал домой на машине? — уточнил я. — У него «Форд Сьерра» восемьдесят девятого года, машина слишком старая, чтобы угонять для продажи, а вот покататься — самое то. Да и в квартиру залезть сам бог велел.

Судя по самодовольной улыбке Шерстобитова, своими рассуждениями я в цель не попал.

— Нет, — сказал он, — дело не в этом. Любой нормальный гопник, даже наркоман, боится сесть за убийство. Когда они поняли, что замочили человека, они должны были сразу сделать ноги. Мобилу снять с пояса — это еще понятно, а шариться по карманам, выгребать мелочь, тем более, что он весь в крови был… Не стыкуется. Тут дело в другом. Человек подъехал к собственному подъезду на собственной машине, вышел, стал вытаскивать с заднего сиденья сумки с продуктами. Человеку двадцать шесть лет, выглядит он на свой возраст, на еврея не похож, на кавказца — тем более. Мимо проходит хулиганье и вдруг начинает приставать. Странно, правда?

— Странно, но не очень. Обычно малолетняя шпана взрослых мужиков не трогает, но кто их знает, что им на этот раз в голову взбрело? Может, они у него закурить попросили, а он не дал. Или он раньше поймал кого-то из них, когда ему с машины колесо скручивали. Или просто ломка подступила. Или глюки.

— Да, — согласился Шерстобитов, — пока все объяснимо. Самое интересное начинается дальше. За гаражами, где его били, было грязно. Днем прошел дождь, земля везде уже высохла, но там низина, лужа к вечеру высохла, но грязь осталась. Свет фонарей туда не достает, сразу и не поймешь, что грязно. Грязь не очень сильная, не настолько, чтобы поскользнуться, просто земля мягкая. Думаю, убийцы этого даже не заметили.

— И что в этом интересного? — спросил я. — Погоди… Остались следы?

— Да, остались следы. Три пары кроссовок, две из которых — новая модель «Рибока», поступила в продажу месяц назад, китайских подделок на рынках пока не замечено.

— Дорогие?

— Мягко говоря. Не вяжется с образом юных наркоманов, правда?

— Может, не наркоманы, — предположил я. — Может, юные мажоры в поисках острых ощущений.

— Мажоры приличных людей не убивают, — возразил Шерстобитов. — Мажоры могут убить проститутку или бомжа, но не приличного молодого человека, вылезшего из иномарки. Но

слушай дальше. Один из убийц топтался на этом месте минут десять, судя по количеству следов.

— До или после убийства?

— До. Он выкурил сигарету. «Кэмел-100».

— Ни о чем не говорит, — заметил я. — Скорее наоборот, говорит в пользу версии с малолетками. Серьезные люди предпочитают сигареты нормальной длины, а не размером с фаллос.

Шерстобитов странно посмотрел на меня. Кажется, я переигрываю. Косить под дурака полезно почти всегда, но надо знать меру.

— Да понял я все, — сказал я. — Убийство было не спонтанным, а подготовленным. А били его, надо полагать, не ногами, а бейсбольными битами.

— Нет, били как раз ногами, — сказал Шерстобитов. — Но шел он не сам — его следов в той грязи нет.

— Может, затоптали?

— Все следы затоптать не могли. К тому же, там, где должны быть его следы, на земле видны две характерные борозды.

— Носки ботинок трупа были сильно испачканы? — предположил я.

— Точно. К месту расправы его тащили двое, а третий ждал на месте, стоял на шухере.

— У машины следы борьбы есть?

— Нет, — сказал Шерстобитов, — никаких следов. Но тот, кто вел машину последним, был в перчатках. А продукты из супермаркета лежали на заднем сиденье, хотя Глотов, по словам жены, всегда ставил сумки пассажиру в ноги, когда ездил один.

— А она-то откуда знает? — удивился я. — Раз он один ездил…

Шерстобитов ухмыльнулся:

— Он пару раз пытался так сделать, когда они с женой на рынок ездили. Он был очень рассеянным.

— Понятно. Так что получается… Стоп! Продукты он купил в «Диете», что около его дома?

— Да.

— Купил именно он?

Шерстобитов пожал плечами.

— Полагаю, да, — сказал он. — Зачем бандитам покупать ему продукты?

— Супермаркет находится в двухстах метрах от его дома, — сказал я. — Если он покупал продукты там, а потом за рулем сидел некто в перчатках, то на него могли напасть только в одно месте — на стоянке у супермаркета. Там есть камера наружного

наблюдения?

— Есть, — сказал Шерстобитов, — но в записи ничего не видно. Там стоит дешевая модель, фонари ее слепят. Как сказали в охране магазина, она стоит не для того, чтобы смотреть, что она показывает, а для того, чтобы воров пугать. Ты прав, Глотова перехватили на стоянке, оглушили, погрузили в собственную машину, довезли до дому, затащили за гаражи и забили насмерть, закосив под хулиганье. Вопросов тут два.

Он сделал паузу, давая мне вставить реплику. Я решил не прикидываться глупее, чем есть, и не стал спрашивать, что это за вопросы.

— Причем особенно интересен второй, — сказал я. — Прокололись они только в одном месте — не заметили грязь под ногами. Позавчерашний звонок Глотова не считается — знать о нем они не могли. Ведь если бы странных следов на месте преступления не было, я бы сейчас не с тобой разговаривал?

— Это точно, — согласился Шерстобитов. — Дело бы вели в районной прокуратуре, точнее говоря, положили бы в сейф на два месяца, а потом закрыли. Глотов жил в не самом хорошем районе, хулиганья там полно, убийства, конечно, не каждый день бывают, но несколько раз в году случаются. Но вот заказное убийство, которое маскируют под проделки шпаны — такое бывает не каждый год.

— Понятно, — сказал я. — Спасибо. Тут, — я показал на болванку, — есть еще что-нибудь важное, кроме того, что ты уже сказал?

— По-моему, ничего, — сказал Шерстобитов. — Но ты посмотри, может, я что пропустил.

— Обязательно посмотрю. Сколько с меня за информацию?

И тут Шерстобитов меня удивил.

— Сколько не жалко, — сказал он. — Можно нисколько. Я ведь не ради денег тебе эту штуку принес.

— А ради чего?

— Никогда не вредно завести знакомство с хорошим человеком. Кто знает, когда оно пригодится.

— Хорошо, — сказал я. — Ценю твое почтение, но тем не менее держи, — я протянул ему тонкий конверт, — не люблю, когда про меня говорят, что я жадный.

Шерстобитов взял конверт, согнул пополам и положил в карман рубашки, не заглядывая внутрь и не пересчитывая купюры.

— Если появится что-нибудь интересное, я тебе сообщу, — сказал он. — Ты тоже не забывай про правоохранительные органы. Мало ли, вдруг какая помощь понадобится…

Шерстобитов вежливо попрощался и вылез из машины. Я дождался, когда его «Гольф» отъедет, и отъехал сам. Я поехал в офис.

2

Частное охранное предприятие «Юлий Цезарь», директором которого я являюсь, формально не имеет никакого отношения к ОАО «Кохинор», просто у нас есть долгосрочный контракт, который регулярно продлевается. Особого смысла в таких отношениях нет, просто так удобнее работать.

Наш офис размещается через дорогу от центрального офиса «Кохинора». Мы арендуем этаж в небольшом кирпичном особнячке конца прошлого века, снаружи домик выглядит довольно-таки облезло, да и внутри тоже. Но это даже хорошо — служба безопасности не нуждается в том, чтобы привлекать к себе внимание.

Я вошел в здание, приветливо кивнул вахтеру, поднялся по лестнице на третий этаж и вошел в свой кабинет. По инструкции, проходя через проходную, положено показывать вахтеру пропуск и говорить, чтобы он снял кабинет с сигнализации, но я такой ерундой не занимаюсь. В конце концов, в этом здании я самый большой начальник, а больших начальников надо знать в лицо и предугадывать их желания до того, как они высказаны. По крайней мере, самые простые желания.

Я включил кондиционер, кофеварку и компьютер, уселся в кресло и стал ждать, когда компьютер загрузится.

Шерстобитов прав, в этом деле два основных вопроса. Первый очевиден — кто и зачем убил Глотова? Как решать этот вопрос, понятно. Поговорить с вдовой, с коллегами по работе, тщательно изучить компьютеры, рабочий и домашний, а заодно и серверы, за которые отвечал Глотов, вполне возможно, там найдется что-то интересное. Если ничего не прояснится, придется перешерстить записные книжки покойного, проверить все знакомства, восстановить картину последних дней жизни Глотова, и если ничего не станет понятно даже после этого, остается только одно — признать себя бессильным и умыть руки. Не хотелось бы.

А вот со вторым вопросом все не так просто. Почему убийство Глотова было обставлено как хулиганская выходка обколотых лоботрясов? Почему организаторам убийства было важно, чтобы никто не понял, что убийство заказное?

Имеем две основные версии. Первая — в свободное от работы время Глотов вляпался в какую-то нехорошую историю, попытался разрулить ситуацию сам, не смог, позвонил мне, но было поздно. И вторая версия — что-то нехорошее происходит в отделе IT, Глотов это нехорошее заметил, позвонил мне, но кто-то заметил, что он это заметил, и его поспешили убрать.

Пожалуй, вторая версия больше похожа на правду. Вряд ли Глотов сам лично смог бы причинить кому-либо ущерб больше, чем на сотню тысяч зеленых, а когда цена вопроса укладывается в сотню тысяч, виновного не убивают, а если даже и убивают, то не устраивают такой спектакль. А вот если на кону стоит десяток-другой миллионов…

Я вставил в компьютер сидюк, полученный от Шерстобитова, и минут пятнадцать изучал его содержимое. Борис был прав, все важное он сказал голосом, больше никакой существенной информации в документах не было.

Я вытащил из кармана связку ключей, нашел среди них нужную мне электронную хреновину и вставил ее в разъем на передней панели компьютера. Компьютер немного пошуршал винчестером и предложил ввести пароль. Я ввел пароль, включающий в себя шесть маленьких букв, две большие буквы и шесть цифр, и в компьютере появился новый логический диск. Я скопировал на него содержимое шерстобитовской болванки, а затем вытащил из верхнего ящика стола нож, подпадающий под категорию холодного оружия, и минуты две выцарапывал на диске аккуратную прямоугольную сеточку. Денис Рушников в свое время поведал мне, что процарапать одну полосу недостаточно, потому что в природе существуют устройства, способные прочесть всю нетронутую часть поверхность испорченного диска. А вот если исцарапать всю поверхность — тогда совсем другое дело.

Закончив убиение болванки, я выбросил ее в корзину для бумаг, и снял трубку телефона. Прежде всего я позвонил вышеупомянутому Денису Рушникову.

Денис работает в той части ФСБ, которая раньше называлась ФАПСИ. Сейчас он пребывает в чине майора, на будущий год должен получить подполковника. Официальная зарплата Дениса не идет ни в какое сравнение с его квалификацией, но если приплюсовать к зарплате гонорары за консультации крупного бизнеса по щекотливым вопросам, сумма получается вполне пристойная. Начальство Дениса в курсе того, чем он зарабатывает на жизнь, но смотрит на его деятельность сквозь пальцы. Таким специалистам, как Денис, нельзя запрещать зарабатывать деньги на стороне, иначе они быстро увольняются.

Около половины своего заработка Денис получает из казны «Кохинора» за консультации по разным компьютерным вопросам. Он поставил мне шифровалку, под защитой которой я храню документы из категории «перед прочтением съесть». Когда в прошлом году один придурок из IT-отдела забыл очень важный пароль, и даже Глотов опустил руки, я позвал Дениса. Денис

выгнал из комнаты всех, кроме меня, сел за убитый компьютер, вставил в него сидюк, который принес с собой, минут пять пошаманил и назвал пароль, который оказался нецензурным. А еще Денис умеет добывать информацию из чужих компьютерных сетей, только стоит это очень дорого.

В свое время мне пришлось долго убеждать босса, что единственный сотрудник спецслужбы серьезного вреда нашим секретам не причинит. Василий Дмитриевич сдался только после того, как Денис перечислил ему несколько секретов компании, которых не знал даже я.

— Понимаете, Василий Дмитриевич, — сказал тогда Денис, — если вас не сажают, это еще не значит, что никто ничего не знает о ваших проделках. То, что вас не сажают, означает только одно — если сажать всех, кого стоило бы посадить, страна останется без крупного бизнеса.

Василий Дмитриевич внял аргументам и велел допускать Дениса на территорию компьютерщиков.

Денис снял трубку после третьего гудка.

— Привет, Денис! — сказал я. — Это Илья Елистратов. Как у тебя дела?

— Привет, Илья! — отозвался он. — Все путем. Какие проблемы?

— Подъехать можешь?

— Прямо сейчас?

— Хорошо бы.

— Прямо сейчас не могу. Давай завтра часов в десять.

— Подъезжай.

— Куда ехать-то? В главный офис?

— Да. Значит, завтра в десять жду. Счастливо!

— Счастливо! — сказал Денис и повесил трубку.

Я нажал кнопку отбоя и набрал номер Славы Полякова.

— Слава, это Илья, — сказал я, когда он снял трубку. — Зайди ко мне.

Минуты через полторы Слава сидел напротив меня и ждал распоряжений.

— Про Глотова слышал? — спросил я.

— Слышал, — ответил Слава. — Кто его так?

— Трое малолетних отморозков.

Я не стал посвящать Славу в детали, ему пока хватит официальной версии случившегося.

— Ты его знал? — спросил я.

— Так, здоровались.

— Поедешь к нему домой, — распорядился я. — Выразишь соболезнование жене, спросишь, какая нужна помощь, ну, там,

похороны организовать и все такое. Ненавязчиво поинтересуешься, не было ли у Володи каких личных проблем, не въехал ли «шестисотому» в зад, не хакнул ли кого-нибудь слишком обидчивого…

— А что, есть подозрения? — заинтересовался Слава.

— Есть необходимость отработать все версии. Давай, действуй.

Слава ушел действовать. Я допил кофе и тоже пошел действовать.

3

Григорий Ефимович Вронский сидел за столом и рассеянно перебирал бумаги. Увидев меня, он величаво кивнул, дождался, когда я сяду напротив, и протянул руку через стол. Рукопожатие Григория Ефимовича было вялым.

Я бросил взгляд на разложенные перед ним бумаги и увидел, что это были распечатанные резюме из интернета. Мне стоило больших усилий не скривиться и сохранить на лице доброжелательное выражение.

Господин Вронский разбирается в компьютерах немногим лучше, чем свинья в апельсинах. Он умеет нормально работать с вордом и чуть-чуть с экселем, а также самостоятельно лазить по интернету. На его столе стоит четвертый пень с роскошным двадцатидюймовым TFT-монитором, на экране которого большую часть времени отображается скринсейвер, рекламирующий Windows XP. Вронский не любит компьютеры и даже побаивается их, документы он предпочитает читать на бумаге, которой он изводит примерно столько же, сколько все остальные сотрудники отдела, вместе взятые.

Вронский пришел в компанию три года назад. Тогда одно государственное предприятие поставило непременным условием заключения большого контракта трудоустройство какого-то дальнего родственника какого-то большого босса. Что это за босс и каким родственником ему приходится Вронский, из моей памяти давно стерлось, эта информация осталась только в моей личной базе данных.

Первоначально предполагалось, что больше года Вронский в этом кресле не просидит, потому что когда срок контракт закончится, его уволят под благовидным предлогом. Но вдруг выяснилось, что несмотря на вопиющий непрофессионализм, Вронский справляется со своими обязанностями не так плохо, как можно было ожидать. В деятельности любого начальника полно рутинной работы, не имеющей прямого отношения к специфике работы подразделения, которым он командует. Все эти функции Вронский взял на себя и справлялся с ними весьма успешно. В технические вопросы он не лез, этими делами занимался Глотов, с которым они неплохо ладили. Туго ему придется теперь, без Глотова.

Я пригляделся к бумагам Вронского и понял, что резюме взяты из интернета, то ли с job.ru, то ли с какого-то другого подобного сайта. Толковая идея — искать в интернете человека, который будет допущен к корпоративным секретам.

Григорий Ефимович с сожалением отложил очередную бумажку и поднял голову. В его взгляде читалось «как вы меня все достали».

— У меня есть несколько вопросов, Григорий Ефимович, — сказал я.

Вронский тяжело вздохнул и сказал:

— Не трудитесь их формулировать, я вам сразу отвечу. Ничего подозрительного в отделе не происходило. До самого конца Володя вел себя совершенно нормально. Настроение у него было хорошее, ни на что не жаловался, денег ни у кого не занимал…

— Вы уверены? — прервал его я. — Что ни у кого не занимал?

— У меня точно не занимал, — уточнил Вронский. — Думаю, что у других тоже.

— А он вообще занимал деньги когда-либо?

— Никогда, — сказал Вронский. — А что?

— Ничего. Значит, совсем-совсем ничего подозрительного?

— Абсолютно ничего.

— За последние недели две он не стал чаще отпрашиваться с работы?

— Сейчас посмотрю, у меня все ходы записаны, — Вронский выдвинул ящик, вытащил оттуда мятую тетрадочку в мягкой обложке, полистал и сказал: — Нет, не отпрашивался. Он вообще очень редко отпрашивался, чаще наоборот, засиживался допоздна.

— Странно, — заметил я. — У него же маленький ребенок.

— Потому и засиживался, — предположил Вронский. — Когда дома маленький ребенок, лучше на работе сидеть, чем дома. Дома все равно отдохнуть невозможно.

Это высказывание меня покоробило, но я не подал вида. Ну и что, что человек эгоист, главное, что с обязанностями он справляется, а остальное — не мое дело.

— Значит, ничего подозрительного не было, — сказал я.

— Ничего, — согласился Вронский.

— Хорошо. Если что-то вспомните, позвоните. И еще одно. Вы зря ищете в интернете человека на замену Глотову.

— Почему? — удивился Вронский.

— Потому что он будет допущен к корпоративной тайне. Нужна специальная проверка…

— Ничего страшного. Я вам подберу человек пять кандидатов, а вы проверите.

Я пожал плечами и встал. Не хочется тратить время на то, чтобы спорить с дураком. Лучше пусть пока позанимается

ерундой, проведет десяток собеседований, оценит профессиональный уровень тех, кто трудоустраивается через интернет… Хотя нет, ничего он не сможет оценить, а это значит, что придется привлекать к решению проблемы кого-то из сисадминов потолковее, отрывать от основной работы…

— Спасибо, Григорий Ефимович, — сказал я. — Вы очень помогли.

Вронский даже не уловил сарказма в моих словах.

— Всегда пожалуйста, — сказал он и снова уткнулся в бумаги.

4

Выйдя из кабинета Вронского, я не стал далеко идти. Я заглянул в соседнюю комнату и сразу увидел Диму Дунаева.

Любая служба безопасности нуждается в том, чтобы иметь агентов внутри защищаемого объекта. Люди, непосвященные в суть дела, обычно относятся к этому отрицательно, агентов не любят и называют стукачами. Принято считать, что главная задача стукача — докладывать в службу безопасности о мелких нарушениях внутреннего распорядка вроде пьянок на рабочем месте или ухода с работы за полчаса до конца рабочего дня. Стукачи об этом, конечно, тоже докладывают, но толкового контрразведчика интересует совсем не это. От Димы я знаю, что среди сисадминов «Кохинора» есть двое геев, а еще один товарищ время от времени покуривает коноплю, но это меня не волнует. Вот если геи придут на работу в женской одежде и макияже или если любитель конопли перейдет на героин, вот тогда придется принимать меры. А так пусть себе живут, каждый имеет право иметь свои маленькие слабости.

— Привет! — сказал я, хлопнул Диму по плечу и уселся рядом. — Как настроение?

Дима оторвался от большого текстового файла, содержащего много циферок и буковок, складывающихся в непонятные мне английские слова. Точнее говоря, каждое слово понятно, а все вместе — темный лес.

— Хреновое настроение, — сказал Дима. — Уже известно, как Володю убили?

— Наркоманы малолетние. Случайно попался под горячую руку.

— Их поймали?

Я отрицательно покачал головой. Дима выругался, тихо и нецензурно.

— И не поймают их теперь, — сказал он. — Сволочи.

— Сволочи, — согласился я. — Завтра Денис придет.

— Вместо Вовы? — удивился Дима. — Отличный вариант. А то с Вронским мы…

Он недоговорил, но его брезгливая физиономия, описывала его мнение насчет перспектив дальнейшей работы под началом Вронского красноречивее любых слов.

А ведь интересную идею Дима подкинул, надо будет поговорить с Денисом на эту тему. Хотя вряд ли он согласится — выигрыш в деньгах небольшой, а геморроя на порядок больше. Но попытка не пытка, попробовать стоит.

— Попробуем, — сказал я. — Как у вас дела идут? Неделю-другую перекантуетесь без толкового начальника?

— Перекантуемся, — заверил меня Дима. — Все системы работают нормально, апгрейд в ближайшее время не предстоит… Если атак не будет, перекантуемся.

— А если будут? — заинтересовался я.

Крайне маловероятно, что Володю убрали хакеры, готовящие атаку на нашу локальную сеть, но кто знает… Когда нет ни одной толковой версии, нельзя отбрасывать даже самые бредовые идеи.

— Если будут, тоже перекантуемся, — сказал Дима. — Туго придется, если на нас полезут совсем уж крутые хакеры, вроде твоего Дениса. А так справимся.

— Хорошо, — сказал я. — Слушай, а не было в последние дни в поведении Глотова чего-то подозрительного?

— Не было. Сидел себе на рабочем месте, какую-то прогу настраивал. Приходил рано, уходил поздно, по телефону разговаривал мало, даже аська у него почти не пищала. Он даже в игрушки играть перестал, как придет, сразу в экран утыкается и больше ничего не видит. Сидит за перегородкой и матом ругается.

— Почему? — удивился я.

— Не получалось у него что-то, — пояснил Дима. — Он уже в коде начал ковыряться, кучу отладчиков на компьютер поставил, целую стопку бумаги исписал всякими циферками…

— А что за программа?

— Не знаю. Он не говорил, а я не спрашивал. Думал, захочет — сам скажет.

— Теперь уже не скажет, — заметил я. — После его смерти его компьютер включали?

— Нет, а что?

— Так, ничего. Если увидишь, что кто-то его включил, позвони мне, хорошо?

— Хорошо. А что, есть подозрение, что это не просто наркоманы были?

— Подозрений нет, — сказал я, — но есть разумная осторожность. Завтра придет Денис, мы с ним все внимательно изучим, а до того времени хотелось бы, чтобы Володин компьютер не включали. Просто на всякий случай.

— Хорошо, — сказал Дима, — буду присматривать. Если не прощелкаю, обязательно позвоню.

Этот ответ меня удовлетворил. Большего требовать от компьютерщика бесполезно, компьютерщики — люди увлекающиеся, могут прощелкать все, что угодно.

— Вот и замечательно, — сказал я. — Успехов тебе.

5

Как всегда, Денис приехал вовремя. Он очень пунктуален, за все время нашего с ним знакомства он опоздал только один раз, когда у него спустило колесо, которое на шиномонтаже горемастера смонтировали как-то не так. Больше он никогда не опаздывал.

Я вынес Денису разовый пропуск, мы вошли в здание, пересекли холл с фонтаном, поднялись по лестнице на третий этаж и прошли в самый дальний конец здания. По дороге я кратко обрисовал Денису ситуацию. Он принял информацию к сведению, не выразив никаких эмоций. Он, конечно, выразил соболезнования по поводу смерти толкового сотрудника, но было видно, что в глубине души ему наплевать. Мне бы тоже на его месте было наплевать.

Отдел информационных технологий размещается в небольшом закутке, скрытом за ничем не примечательной дверью без таблички, но с кодовым замком. Отдельного кабинета у Володи Глотова не было, он сидел в общей комнате. Так удобнее работать, все сотрудники на виду, если вдруг возник какой-то вопрос, не надо ни идти в соседнюю комнату, ни хвататься за телефон. Но Денису это не слишком понравится — он очень не любит, когда посторонние люди видят, как работают его секретные программы.

Денис окинул комнату печальным взглядом, я уж подумал, что сейчас он потребует перенести исследуемый компьютер в другое место, но обошлось. Денис вытащил из сумки сидюк, включил компьютер и вставил сидюк в соответствующий дисковод.

Через минуту на экране появилась командная строка, как в MS-DOS, но другая. Денис запустил нечто, отдаленно напоминающее «Нортон Коммандер», немного пошаманил, вытащил сидюк и перезагрузил компьютер.

Windows загрузился, не спросив пароль. В свое время меня шокировало, насколько легко обходится защита Microsoft, но Денис меня успокоил. Он сказал, что сидюк с программами, необходимыми для этого фокуса, существует менее чем в ста экземплярах и про каждый известно, кому он принадлежит. Этой технологией обладают только ФСБ, министерство обороны, да еще компания хакеров, которые создали первый экземпляр этого сидюка. Хакеры, кстати, получили за свой труд по десятке зеленых на рыло, для США или Европы эта сумма смешная, но для России — более чем серьезная.

Денис ткнул мышью в кнопку «Пуск» и присвистнул.

— Что такое? — спросил я, непроизвольно подавшись вперед.

— Этот твой Глотов — он точно сисадмин? — спросил Денис.

— Да. А что?

— Набор программ у него на компьютере характерный стоит.

— Характерный для чего?

— Не для чего, а для кого. Для хакера. Только сетевого сканера не хватает, все остальное в наличии.

Денис потыкал мышью туда-сюда и добавил:

— Последнюю неделю он только эти программы и запускал.

— Подожди, Денис, — сказал я. — Объясни все по порядку, чтобы ежу было понятно. Что за программы?

— Дизассемблер, два отладчика и куча прибамбасов к ним. Глотов ломал какую-то программу, сейчас посмотрим, какую.

На экране появилось небольшое серое окошко с черно-белой женской головой, потом оно исчезло и его место заняло другое окошко, содержащее список файлов. Денис снова присвистнул.

Он не стал ничего комментировать, вместо этого он стал запускать разные программы, открывая разнообразные окна, содержимое которых понятно только хакеру. Денис что-то неразборчиво бормотал себе под нос и, казалось, полностью абстрагировался от окружающего мира.

Вдруг он встрепенулся и спросил:

— В стол после его смерти не лазили?

И, не дожидаясь ответа, стал выдвигать один за другим ящики стола. В третьем ящике он нашел то, что искал — толстую пачку листов А4, на которых с одной стороны было что-то распечатано на лазерном принтере, а с другой стороны листы были густо исписаны от руки странными надписями, состоящими главным образом из бессмысленных сочетаний цифр и латинских букв.

Минут пятнадцать Денис изучал плоды труда покойного Глотова, а потом задумчиво посмотрел на меня и спросил:

— Компьютер с собой забрать можно будет?

— Лучше не надо, — сказал я. — Надо пропуск выписывать, а для этого надо Вронскому долго объяснять, зачем нам это нужно. Да и разговоры пойдут ненужные.

— А винчестер вытащить? — не унимался Денис.

— Тоже лучше не надо. А ты, что, флэшку забыл? Я могу свою одолжить.

— Флэшкой тут не обойдешься, — печально усмехнулся Денис. — Ладно, позанимаемся мазохизмом.

С этими словами он извлек из сумки толстую пачку эрвешек и вставил в дисковод первую из них.

— Так много сливать нужно? — удивился я.

— Очень много, — сказал Денис. — Большая часть будет не нужна, но лучше сразу все слить, чтобы потом не возвращаться.

— Может, проще на месте все изучить? — предположил я. — До вечера времени много…

— Тут работы дня на три, если не больше, — сказал Денис. Да и не стоит такими вещами заниматься где попало. Эти листы, — он ткнул пальцем в гору бумажек, исписанных Глотовым, — я тоже заберу.

— Да чем таким Глотов занимался?

Денис подумал пару секунд и сказал:

— Пока без комментариев. Мне надо просмотреть все эти материалы в спокойной обстановке, потом я тебе все объясню. Не хочу пугать заранее.

— А что, есть чего пугаться?

Денис огляделся по сторонам. В пределах слышимости никого не было. Тем не менее, он понизил голос, когда начал говорить.

— Очень похоже, что товарищ нашел в своем компьютере троян, — сказал Денис. — Причем не из тех, что в интернете на каждом углу встречаются, а коллекционный.

— Коллекционный троян? Это еще что такое?

— Троян, который неизвестен широким массам. В антивирусных базах его нет, кулхацкеры о нем не знают и потому не используют. Коллекционные трояны существуют в ограниченном количестве экземпляров, они никогда не выкладываются в свободный доступ и очень редко продаются, обычно хорошим знакомым. Хороший троян может стоить червонец зеленых, а то и пятнашку.

— Намекаешь, что «Кохинором» заинтересовались серьезные хакеры?

— К сожалению, не только хакеры. Программные средства такого уровня хакеры просто так не применяют, только за большие деньги. Рано или поздно толковый сисадмин вроде твоего Глотова обнаруживает в своей сети чужую живность, посылает письмо Мазайскому и следующая версия антивируса начинает этот троян ловить. Авторам трояна приходится в лучшем случае переделывать код до полной неузнаваемости, а в худшем — писать новый троян. Хуже всего, если троян внедрялся через неизвестную дыру в операционной системе. Тогда Мазайский пишет письмо в Microsoft, Microsoft закрывает дыру и год хакерской работы идет коту под хвост.

— Какова цена вопроса? — перебил я Дениса. — Сколько стоит год хакерского труда?

— Смотря какой хакер…

— Ну, в среднем, хотя бы с точностью до порядка. Миллион? Десять миллионов?

— Нет, что ты! — засмеялся Денис. — Самое большее — сто — сто пятьдесят тысяч.

— Из-за таких сумм не убивают, — констатировал я.

Какая хорошая была версия…

И тут до меня наконец-то дошло.

— Получается, в нашей сети промышленные шпионы шарятся? — спросил я.

— Может, и не шпионы, — сказал Денис. — Может, это наши ребята. Я потому и хотел забрать с собой винчестер. Посмотреть, показать ребятам, может, кто узнает свою работу.

— А без винчестера никак нельзя?

— Теоретически можно, но намного сложнее. Троян замаскировался очень глубоко, он явно полиморфный, этот ваш Глотов снимал дампы памяти, сохранял на диск и анализировал. Зуб даю, инсталлирующего модуля на компьютере уже нет, куски трояна разбросаны по всей системе, чтобы все выловить, не одна неделя уйдет. То, что я слил на болванки — просто обрывочные куски, по ним целостное представление о трояне не составить.

— Понятно, — сказал я.

Я встал со стула и посмотрел поверх низкой перегородки, отделяющей рабочее место Глотова от остальной комнаты. В дальнем конце комнаты за такой же перегородкой виднелась голова Димы Дунаева, сосредоточенно пялящаяся в монитор.

— Дима! — крикнул я. — Подойди сюда, пожалуйста.

Дима подошел. Перед тем, как встать с кресла, он заблокировал консоль. Интересно, что у него на экране такое?

— Нужно скопировать винчестер, — сказал я Диме, когда он подошел ко мне и замер в ожидании распоряжений. — Копию отдашь Денису. Денис, еще что-нибудь смотреть будешь?

— Нет, пока хватит, — сказал Денис.

— А где второй винчестер взять? — спросил Дима.

— Поройся по сусекам. Если не найдешь, съезди в магазин и купи.

Дима состроил скептическую гримасу и спросил:

— На какие шиши?

— На свои, блин! На фирменные, конечно. Погоди… ты намекаешь, что мне надо Вронского самому обработать?

Дима довольно кивнул.

— Хорошо, обработаю. Сделаешь копию, отдашь Денису, системный блок потом опечатаешь. И проследи, чтобы не включали без моего разрешения.

— А зачем винчестер копировать? — спросил Денис. — Если нельзя компьютер включать, то Денису проще утащить его с собой и все дела.

— Компьютер нельзя включать без моего разрешения, — уточнил я. — Есть такой закон природы — стоит компьютер выключить и опечатать, как на нем сразу обнаруживается тысяча важных документов, без которых никак нельзя. Кстати, Дима, после копирования установи аудит покруче, чтобы было видно, кто чего искал.

— И закрой доступ к компьютеру из сети, — добавил Денис. — Лучше всего все сетевые протоколы снести.

— Может, проще шнур выдернуть? — предположил Дима.

— Это тоже сделай, — согласился Денис. — Но и протоколы снеси. Воткнуть сетевой шнур обратно так же легко, как выдернуть.

— Хорошо, — сказал Дима, состроил на лице дурацкую улыбку и вытянулся по стойке смирно. — Разрешите выполнять?

— Выполняй, — сказал я и добавил, обращаясь к Денису: — Посиди здесь немного, я схожу Вронского озадачу.

6

Вронский сопротивлялся недолго. Он пытался говорить всякие глупости насчет того, что без разумной экономии в бизнесе нельзя, а покупать целый винчестер, когда можно обойтись болванками — жуткое расточительство. Я согласился с ним и ненавязчиво поинтересовался, как у них в отделе обстоят дела с экономией бумаги. Вронский обиженно замолчал и стал подписывать необходимые бумажки.

Получив бумажки, Дима удалился выполнять распоряжение, а мы с Денисом вышли из здания и сели в его машину — синюю «десятку», почти новую. Теперь можно спокойно поговорить, не зыркая по сторонам каждую секунду.

— Давай я расскажу, что я понял, — сказал я, — а ты меня поправишь, если я что понял не так. Сеть «Кохинора» атаковали квалифицированные хакеры, которых либо наняли за большие деньги серьезные люди, либо вежливо попросили люди в погонах. Эти хакеры проникли в компьютер Глотова… стоп. Вряд ли они проникли только в компьютер Глотова.

— Это точно, — согласился Денис. — Скорее всего, у вас вся сеть заражена. Только чистить ее еще рано. Если окажется, что поработали люди в погонах, сеть вообще чистить нельзя. В этом случае Василию Дмитриевичу надо вытащить из широких штанин сотню-другую килобаксов и подарить, кому — он сам знает.

— А если поработали настоящие хакеры?

— Тогда все зависит от позиции руководства. Можно дождаться выходных, закапсулировать сеть и вычистить заразу, но тогда мы не узнаем, кто такой шустрый на нас накатывает. А можно провести активное мероприятие. Только это будет стоить дорого.

— Я доложу Василию Дмитриевичу, — пообещал я. — Еще скажу ему, чтобы секреты из сети поубирал или, там, зашифровал как-нибудь покруче.

— Поздно и бессмысленно, — сказал Денис. — Все ваши секреты давно скачаны и изучены. А шифровать смысла нет — любой нормальный троян в первую очередь сливает ключи шифрования. Лучше вам пока не дергаться, а делать вид, что никто ничего не заметил. Через пару дней я разберусь с трояном и тогда будем решать, что делать дальше.

— Хорошо, не будем дергаться, — согласился я. — Диму я проинструктировал, как только он диск скопирует, сразу тебе позвонит. Не уезжай пока, хорошо?

— Хорошо, не буду, — сказал Денис. — Если только

начальство не позовет.

— Начальство — это святое. Но если не позовет — не уезжай.

Я залез во внутренний карман за конвертом с деньгами, но Денис остановил мою руку.

— Не торопись, — сказал он. — Я пока ничего еще не сделал. Вот когда сделаю, тогда за все сразу и возьму. И это будет недешево.

— Дешево только таджики работают, — заметил я. — Ладно, Денис, большое спасибо тебе. Я твой должник.

С этими словами я вылез из машины и пошел обратно в здание «Кохинора» радовать шефа.

7

У шефа шло совещание, из-за этого мне пришлось просидеть в приемной почти полчаса. Наконец, гость из Германии, желающий закупить партию каких-то электронных устройств, был с максимальным почтением препровожден восвояси и Василий Дмитриевич соизволил обратить на меня внимание.

— Что-то срочное, Илья? — спросил он.

Я пожал плечами.

— Час-другой можно подождать, — сказал я. — Но до конца дня хотелось бы с вами переговорить.

Василий Дмитриевич взглянул на часы (очень хорошая подделка под «Ролекс») и сказал:

— Подходи к пяти часам.

Я вышел из здания, перешел через дорогу, поднялся к себе в кабинет и до пяти часов гонял на компьютере «кваку». А потом проделал обратный путь.

Василий Дмитриевич был в кабинете один. Он был слегка пьян и очень доволен, хотя и выглядел уставшим. Видимо, немец согласился-таки закупить наше оборудование.

— Что случилось, Илья? — спросил Василий Дмитриевич.

В лучших одесских традициях я ответил вопросом на вопрос:

— Василий Дмитриевич, у нас есть конкуренты?

— В каком смысле конкуренты?

— В таком смысле, чтобы заняться разнюхиванием наших секретов.

— Каких секретов?

— Пока не знаю, — сказал я. — Только что разговаривал с Денисом, он утверждает, что была попытка хакерского проникновения в нашу сеть.

— Насколько успешная?

— Более чем.

Василий Дмитриевич изменился в лице. На долю секунды мне показалось, что его поразили мои слова, но потом я заметил, что он смотрит поверх моей головы. Я обернулся и увидел то, что поразило Василия Дмитриевича.

Дверь в кабинет была распахнута настежь, по обе стороны от нее стояло по омоновцу с автоматом АКСУ и в черной маске, закрывающей лицо. А по ковровой дорожке, ведущей к начальственному столу, шествовал коротко стриженый седоватый мужичок невысокого роста. Выражение лица у него было брезгливое, как будто маски-шоу проводилось не в офисе уважаемой компании, а в незарегистрированном борделе или

вообще в наркоманском притоне.

— Господин Цодиков? — поинтересовался он. — Ознакомьтесь.

Василий Дмитриевич взял из его рук бумагу, бегло просмотрел и отдал обратно.

— Предлагайте, — сказал он.

— Что предлагать? — смешался мужичок.

Василий Дмитриевич посмотрел на меня с очень искренним огорчением и сказал:

— Воистину печально, что мне, обвиняемому, приходится объяснять работнику прокуратуры его обязанности. Так знайте же, почтенный, что когда вы предъявляете постановление о производстве обыска, надо обязательно предложить добровольно выдать то, что вы ищете. Что вы, кстати, ищете?

Мужичок состроил злобную физиономию и ответил:

— Любые вещественные доказательства противозаконной деятельности. Вы готовы что-то выдать?

— Тут не ведется никакой противозаконной деятельности! — воскликнул Василий Дмитриевич. — И никаких доказательств ее быть не может!

— Посмотрим, посмотрим… — хищно улыбнулся мужичок и крикнул омоновцам, изображавшим статуи у входа в кабинет: — Введите понятых!

Понятыми были двое молодых людей не помню из какого отдела. Они были одеты в безукоризненно сидящие деловые костюмы, белые рубашки и дорогие галстуки, а их лица выражали горячее желание наилучшим образом проявить себя в сложившихся обстоятельствах. Вот только вряд ли они понимали, что сейчас будет наилучшим поведением — честно рассказать все ментам или, наоборот, продемонстрировать верность родной компании.

Впрочем, их никто ни о чем не спрашивал. Вслед за ними в кабинет вошли еще два молодых человека в омоновском камуфляже и масках, но без оружия. Они быстро и сноровисто заглушили компьютер шефа, упаковали его в черный пластиковый мешок, как для перевозки трупов, только поменьше, опечатали мешок и утащили компьютер из кабинета. Больше в кабинете ничего не искали.

На этом маски-шоу закончилось. Седоватый мужичок подсунул Василию Дмитриевичу несколько бумажек, в которых тот расписался. Я заметил, что одна из них была подпиской о невыезде.

— А вы кто такой? — спросил меня мужичок.

— В цивилизованном обществе принято вначале

представляться, а потом уже спрашивать имя собеседника, — заметил я.

Вместо ответа мужичок предъявил мне удостоверение на имя начальника сектора ОБЭП подполковника Жихарева Евгения Ивановича.

— Елистратов Илья Константинович, — представился я. — Паспорт показать?

— Не надо. Какова ваша должность в компании?

— Никакова, — честно ответил я. — Мы с господином Цодиковым обсуждали перспективы долгосрочного сотрудничества между нашими предприятиями.

Самое смешное, что я сказал чистую правду, с формальной точки зрения дела обстоят именно так.

— И как перспективы? — ехидно поинтересовался Жихарев.

— Хорошие перспективы, — ответил я. — Проблемы приходят и уходят, а бизнес остается бизнесом.

— Ну, не знаю, не знаю, — протянул Жихарев и окончательно потерял ко мне интерес.

Он покинул кабинет, даже не попрощавшись.

— Довыпендриваешься когда-нибудь, Илья, — заметил Василий Дмитриевич, когда дверь кабинета закрылась. — Нельзя же хамить ментам так нагло.

— Я не хамил, — возразил я. — Я сказал чистую правду. А то, что он понял из моих слов — это его проблема. На компьютере что-нибудь важное пропало?

— Договор о намерениях с немцем, — печально произнес Василий Дмитриевич. — Но это так, херня. Хуже будет, если следствие не сразу закроется. Позвонить, что ли, сейчас…

Он не уточнял, кому собирается звонить, а я не спрашивал. Да и не интересно мне, у кого именно из высокопоставленных покровителей он собрался просить помощи.

— Лучше попозже, когда они совсем уйдут, — посоветовал я. — А то ввалится еще какой-нибудь клоун в самый неподходящий момент.

— Клоун, говоришь… — протянул Василий Дмитриевич. — Думаешь, клоунада? В принципе, похоже.

Клоунадой называется маски-шоу, которое проводится не с целью кого-нибудь арестовать или что-нибудь конфисковать, а с целью продемонстрировать фирме, что пора скорректировать с учетом инфляции ежемесячный объем взяток. Либо продемонстрировать, что не следует проявлять чрезмерное усердие к тому, чтобы заключить какой-то определенный контракт. Менты изымают компьютеры, опечатывают производственные помещения, но ни в коем случае не

арестовывают счета. Руководство фирмы снимает со счетов необходимые суммы, несколько дней длятся переговоры, вначале с крышей, а затем и со второй заинтересованной стороной. В конце концов стороны приходят к консенсусу, заключают необходимые договоры либо устные соглашения и происходит большая пьянка. Запечатанные помещения распечатываются, изъятые компьютеры возвращаются, но не все, часть из них менты оставляют себе, это называется спонсорской помощью.

— Кто заказчик, известно? — спросил я. — Может, хотя бы подозрения есть?

— Что тут подозревать? — ответил Василий Дмитриевич вопросом на вопрос. — К вечеру все будет точно известно, самое позднее — завтра к обеду.

Василий Дмитриевич вдруг передернул плечами, встал из-за стола, подошел к встроенному в стену бару и вытащил оттуда пузатую бутылку «Хеннеси» и два столь же пузатых бокала.

— Будешь? — спросил он.

— Лучше не надо, — сказал я. — Пить за рулем вообще не люблю, а после таких событий тем более.

Василий Дмитриевич понятливо кивнул и поставил один бокал обратно.

— А я выпью, — сообщил он. — Надо хоть чуть-чуть в себя прийти. Так что ты там говорил, когда этот козел вломился? Хакеры нас поломали?

— Да, — сказал я. — Только не простые хакеры, а очень непростые. Таких хакеров прикармливают либо люди в погонах, либо бизнесмены вроде вас.

Василий Дмитриевич хмыкнул.

— Намекаешь, что наезд идет по полной программе? — спросил он.

— Ничего я не намекаю, — ответил я. — Но если сложить два плюс два, я имею ввиду, взлом и маски-шоу, получается так.

— Ладно, разберемся, — сказал Василий Дмитриевич и вдруг засмеялся. — Не повезло этим хакерам, только к нам вломились, как все компьютеры тут же менты унесли. Придется им заново к нам влезать.

— Возможно, менты унесли компьютеры по их наводке, — предположил я. — Если там есть какой-то серьезный компромат…

— Не должно быть, — возразил Василий Дмитриевич. — Да ты и сам знаешь.

— Знаю, — согласился я. — Тогда остается только одно — клоунада.

— Не будем пока гадать, — сказал Василий Дмитриевич. — Ты лучше про хакеров расскажи поподробнее. Кто такие, куда

влезли…

— Не знаю я пока ничего, — сказал я. — Только то, что хакеры крутые, профессиональные. Такие хакеры работают не для самоутверждения, а либо на спецслужбы, либо за очень большие деньги. Я потому и спрашивал про конкурентов. А может, олигарх какой-нибудь захотел «Кохинор» купить на корню?

— Типун тебе на язык! — воскликнул Василий Дмитриевич. — Больше так не говори, а то накаркаешь. Кстати, что там насчет того компьютерщика, которого убили?

— Ничего хорошего. Убийство явно заказное.

— Заказное?! — Василий Дмитриевич вытаращил глаза. — И за что же его заказали?

— За то, что он тот троян нашел. Только этого не может быть, потому что ни один троян не стоит столько, чтобы из-за него заказывать человека. Знаете, Василий Дмитриевич, очень не хочется мне этого говорить, но по всему выходит, что против нас начинается серьезная операция. Чтобы принять меры, мне нужно знать, кто на нас наезжает. Вы от меня ничего не скрываете?

— Ничего существенного, — отрезал Василий Дмитриевич. — До сегодняшнего дня никаких наездов не было, даже намеков не было, — он посмотрел на часы. — Ладно, ты иди, напряги своих ребят, пусть пройдутся по комнатам, составят опись, что изъяли… ну, ты сам знаешь, что делать. А я пока позвоню.

— Хорошо, Василий Дмитриевич, — сказал я. — Если вдруг выяснится что важное, держите меня в курсе.

— Обязательно, — сказал Василий Дмитриевич. — Давай, действуй.

8

«Юлий Цезарь» налету не подвергся, люди в масках ограничились только центральным офисом «Кохинора». Кроме компьютеров, менты не изъяли ничего. Зато компьютеров изъяли изрядно — один у шефа, два у обоих его замов, три из бухгалтерии, а из отдела IT — все, кроме одного. Компьютер Вронского почему-то не изъяли, должно быть, не заметили — подумали, что непрезентабельная дверь, ведущая в его каморку, на самом деле ведет в какое-то техническое помещение.

Обстановка в отделе была мрачная. Компьютерщики бродили по опустевшей комнате, как зомби, делать им было нечего, а пойти напиться стеснялись. Вронский побоялся распускать сотрудников по домам без санкции шефа, мне пришлось намекнуть ему, чтобы он не занимался ерундой и не мучил людей понапрасну. Вронский сказал, что надо не расслабляться, а срочно вытаскивать со склада новые компьютеры, поднимать бэкап и восстанавливать сеть, но я сказал, что после маски-шоу все равно работы никакой не будет и что большое дело лучше всего начинать с утра.

Времени было уже много, почти семь, и я решил, что на сегодня рабочий день закончен. Я позвонил жене, уточнил список покупок, и поехал на рынок.

9

На следующий день около одиннадцати часов мне позвонил Денис и сказал, что хочет подъехать. Мы договорились встретиться через час в кафе, где я обычно обедаю.

Денис, как всегда, явился точно к назначенному времени. Он заказал стандартный комплексный обед, который в приличных местах почему-то называется бизнес-ланч. Как только официант удалился, Денис начал говорить.

— Новость первая, — сказал он. — Работали не наши, не ГРУ и, скорее всего, не менты. Новая группа, блин, появилась. Новость вторая. На винчестере трояна нет.

— А что же Глотов тогда изучал? — не понял я.

— Когда Глотов его изучал, троян был, — пояснил Денис. — А теперь его больше нет, самоуничтожился, следы сохранились только в тех файлах, которые Глотов успел сохранить. Я дал молодежи код поизучать, но результатов можно ждать только недели через две, и скорее всего, они будут отрицательными. Глотов не был профессиональным хакером, для дилетанта он раскопал довольно много, но собрал слишком мало, чтобы составить о трояне цельное представление.

— А не может быть так, что его убили из-за того, что он раскопал эти следы? — предположил я.

— Может быть все, — сказал Денис. — Новость третья. Глотов пытался копаться отладчиком в антивирусе Мазайского. Вряд ли у него что-то получилось, все антивирусы всегда оснащаются защитой от отладки, но он мог этого не знать. Антивирус я проверил, он абсолютно нормальный, код точно соответствует дистрибутиву, никаких посторонних включений нет.

— Естественно, — заметил я. — Троян ведь самоуничтожился.

— Неестественно, — возразил Денис. — Ни один нормальный хакер никогда не будет совать троян внутрь антивируса. Антивирусы — программы параноические, они так тщательно контролируют свою целостность, что у постороннего кода почти нет шансов спрятаться внутри. Зачем, спрашивается, Глотов полез туда отладчиком?

— И зачем? — спросил я.

— Теперь уже не разберешь. Скорее всего, пошел по ложному следу, который выставил троян. Так иногда делают — вирус или троян выставляет в системе какой-то подозрительный призрак, который может заметить только очень толковый сисадмин. Если он этот признак замечает, он начинает выяснять, в чем дело,

начинает делать характерные действия, вирус эти действия обнаруживает и самоуничтожается. Умные вирусы не любят жить на компьютерах толковых сисадминов, иначе их слишком быстро выявляют.

— Я слышал, что Мазайский сам пишет вирусы, — вспомнил я.

— Ерунда, — сказал Денис. — Об этом говорят уже лет пятнадцать, но ни одного доказательства никто не видел. Сам посуди, зачем Мазайскому писать вирусы? Написать хороший вирус гораздо труднее, чем поймать его, это писать вирусы — это нерациональная трата времени. Новых вирусов хватает и без Мазайского.

— Но если это все-таки вирус Мазайского, очень разумно, что он поместил его внутрь своего антивируса. Вся параноическая защита будет работать на вирус.

— Ага, — подхватил Денис. — И еще вирусу будет очень просто обновлять конфигурацию и получать команды от хозяина. В корпоративной версии антивирус Мазайского сам выходит в интернет и скачивает обновления, которые зашифрованы открытым ключом и подписаны цифровой подписью. Чтобы определить, какие именно данные получил антивирус, квалифицированному хакеру нужно потратить не меньше месяца, а столько времени квалифицированный хакер на такую ерунду тратить не будет. Все это очень здорово, Илья, но ты не учитываешь одной маленькой вещи. Если кто-нибудь все-таки узнает, что Мазайский сам плодит вирусы, и если эта информация попадет в общий доступ, не просто информация, но информация с доказательствами, вот тогда Мазайскому мало не покажется. Вначале он потеряет репутацию, а потом потеряет бизнес, а бизнес у него немаленький.

— В таких обстоятельствах заказное убийство вполне оправдано, — заметил я.

Денис чуть не подавился.

— Намекаешь, что Глотова заказал Мазайский? — спросил он. — Ни за что не поверю. Нет в вашей сети информации, которая оправдала бы такой риск.

— А если не только в нашей сети? Антивирус Мазайского стоит в половине крупных российских компаний. Если иметь по трояну в каждой сети, можно зарабатывать неплохие деньги.

Денис недовольно поморщился.

— Это только в сказках бывает, — сказал он. — Джеймс Бонд против Эрнесто Блофельда. Тьфу!

— А почему бы и нет? — не унимался я. — Допустим на минуту, что в реальном мире существует организация наподобие

«Спектра», которая имеет полный доступ почти ко всем российским компьютерным сетям.

— И что они делают с этим доступом?

— Как что? Скачивают информацию…

— И куда ее девают потом? Продают «Вим-Биль-Дану» секреты «1С»? Понимаешь, Илья, большого бизнеса на торговле информацией не построить, рынок слишком ограничен, а слухи расходятся слишком быстро. Думаешь, я об этом не думал? — Денис хитро улыбнулся. — Думал, и не раз. Нет, это нереально. Утечку информации нельзя долго скрывать, а когда утечка идет ото всех ко всем, это скоро станет общеизвестно. Представь себе, что я начал таскать тебе гигабайтами информацию, скажем, НИИ радиосвязи. Что ты подумаешь?

— Подумаю, что ты очень удачно поломал их сеть.

— А потом я приношу тебе гигабайт секретов «Восьмого Медведя» и гигабайт секретов ЗРЗ-22. Ты подумаешь, что я удачно поломал слишком много сетей сразу, и задумаешься. А потом ты поделишься мыслями с Цодиковым, он подумает, что мне одному столько денег не нужно, и захочет войти в долю.

— Он не дурак, он знает, что ты его пошлешь. С твоей-то крышей…

— Если Цодиков сложит два плюс два, он поймет, что ваша компания вполне может не быть исключением. Он забросит в сеть правдоподобную дезу и станет внимательно присматриваться к поведению партнеров по бизнесу. Если ты знаешь, что идет утечка информации, очень легко проверить, к кому она идет. А когда он поймет, что утечка идет и от него тоже, он меня закажет. И не просто закажет, а закажет сделать так, чтобы я рассказал обо всех своих сообщниках, а потом умолял о смерти. Нет, Илья, торговля информацией — вещь хорошая, но на конвейер ее не поставишь. Самое большее, что можно сделать в этой области — продаться одному хозяину и добывать информацию для него.

— А может, так оно и есть? — предположил я. — Может, они как раз работают на одного хозяина?

— На кого? — спросил Денис. — На Абрамовича? Зачем Абрамовичу информация ОАО «Кохинор»? А те, кому эта информация нужна, не смогут провернуть операцию, кишка у них тонка. Нет, Илья, не сходится. Тем людям, которые могли бы организовать это дело, в вашей сети делать нечего.

— Может, троян попал случайно, как вирус?

— Случайно трояны никуда не попадают, — заявил Денис. — Не морочь голову себе и мне, послушай лучше, как все было. Какая-то компания вашей примерно весовой категории, может, чуть покрупнее, захотела от вас что-то поиметь. Они засадили

троян…

— Подожди! — перебил я Дениса. — Ты говорил, что такой троян стоит колоссальных денег.

— Не таких уж и колоссальных, — возразил Денис. — Мы с тобой вдвоем, сложив свои личные сбережения, вполне могли бы заказать такую операцию. И еще нельзя исключать, что хакерам вообще не заплатили.

— Ну это уже фантастика какая-то!

— Почему фантастика? Часто бывает, что хакер помогает бизнесмену не за деньги, а по личной дружбе.

— А, ты в этом смысле… — протянул я.

— А ты думал, в каком? Что их замочили сразу после операции? Так только в плохих детективах делают. В хакеров очень выгодно вкладывать деньги, они приносят гораздо большую прибыль, чем берут за услуги. Вкладывать деньги в хакеров выгоднее даже, чем в наркотики. Если бы этот рынок не был так ограничен…

На лице Дениса появилось мечтательное выражение. Мечтает, небось, как он развернется, когда сбудется извечная мечта всех киберпанков и мир станет компьютеризированным по-настоящему, а не так, как сейчас. Надеюсь, мы с ним не доживем до этого времени.

— Значит, ты полагаешь, что идет обычный наезд, — сказал я. — Кстати, ты в курсе, что у нас вчера маски-шоу было?

Денис выпучил глаза и приоткрыл рот. Очевидно, он был не в курсе.

— Когда? — спросил он. — Кого-нибудь арестовали? Кто проводил обыск? Что искали?

Я ответил на вопросы в порядке поступления.

— Шоу было в начале шестого. Не арестовали никого, только с шефа взяли подписку о невыезде. Обыск проводил некто подполковник Жихарев из ОБЭП. Ничего они не искали, а просто изъяли компьютеры.

— Сколько компьютеров? Какие?

— Двадцать три. В отделе IT — все, кроме одного, плюс три начальственных и три в бухгалтерии.

— Глотовский изъяли?

— Изъяли. Тот единственный, который не тронули, они просто не нашли, скорее всего. Помнишь, в какой каморке Вронский сидит?

Денис хихикнул и сказал:

— Дуракам везет. Значит, маски-шоу… Клоунада какая-то, а не маски-шоу. Обвинения какие-нибудь предъявляли?

— Никаких.

— Тогда точно клоунада. Знаешь, Илья, это дело начинает меня интересовать. Если ты не возражаешь, я привлеку кое-кого из московской управы. Не против?

— Не против, — сказал я. — Если это будет не очень дорого.

— Не очень, — заверил меня Денис. — Значит, маски-шоу… Знаешь, что мне больше всего в этом деле не нравится?

— Что?

— Что я не знаю, кто написал этот троян. Новая хакерская группа, высококвалифицированная и дикая — это, знаешь ли, неприятно. Пожалуй, не буду я брать с тебя денег, лучше ты держи меня в курсе всех дел.

— Что тебя интересует?

— Все, связанное с вашими компьютерами, все, связанное с вашими коммерческими разборками, короче, все.

— Ну и аппетиты у тебя, — заметил я.

— Ничего, я ведь с тобой тоже информацией делюсь. Ладно, поеду я на службу. Как что новое узнаю, позвоню.

10

Пока мы разговаривали с Денисом, мне на мобилу пришла SMS-ка от шефа, он требовал немедленно явиться к нему. Звонок мобилы я отключил заранее, чтобы не отвлекаться от разговора, поэтому о желании шефа я узнал только сейчас.

Василий Дмитриевич был зол, но не на меня, а на весь белый свет вообще.

— Долго добирался, — констатировал он, когда я вошел в его кабинет.

— С Денисом разговаривал, — стал оправдываться я. — Он говорит, тот троян написали дикие хакеры.

— Дикие, домашние… — раздраженно отмахнулся Василий Дмитриевич. — Ваши компьютерные заморочки меня больше не интересуют. У нас и без того большие проблемы.

Я сел за стол и приготовился внимательно слушать.

— Час назад прошла новая волна маски-шоу, — сообщил Василий Дмитриевич. — В Нижнем Новгороде задержали фуру с нашими сидюками. На складе в Очаково конфисковали продукции на три миллиона. Прямо сейчас опергруппа ФСБ потрошит «Газель» со спецпродукцией.

— Что они могут найти? — поинтересовался я.

— Спецпродукцию, — улыбнулся Василий Дмитриевич. — Я же не совсем дурак, я предполагал нечто подобное, хотя и в меньших масштабах. Идет большой наезд и, сдается мне, это не просто наезд, а передел рынка.

— Что крыша говорит? — спросил я.

Василий Дмитриевич нахмурился.

— Ничего они не говорят. Говорят, будут разбираться. Я распорядился остановить все производство, кроме легального. Будем сворачиваться.

У меня похолодело внутри. Если шеф считает, что пора сворачиваться, все не просто плохо, все очень плохо.

— Неужели так плохо? — спросил я.

— Надеюсь, что нет, — сказал шеф. — Но я всегда рассчитываю на худшее. Бросай все дела и займись свертыванием производства. Вопросы?

— Может, мне лучше поговорить с агентами сначала…

— Сначала проследишь за консервацией оборудования, потом все остальное.

— Хорошо. А ваша семья уже за границей? — неожиданно спросил я.

Василий Дмитриевич криво усмехнулся.

— Моя семья уже второй месяц за границей, — ответил он. — Лето на дворе, что им в Москве мариноваться. Насчет своей семьи решай сам. Прямой необходимости, по-моему, нет, но лучше перебздеть, чем недобздеть. Но в первую очередь займись оборудованием, семья подождет.

Я заверил шефа, что полностью с ним согласен, и покинул кабинет. Выйдя на улицу, я достал мобилу, позвонил жене и сказал, что мне пришла в голову замечательная идея. Почему бы ей не взять детей и не уехать отдохнуть куда-нибудь в Европу. Нет, не обязательно прямо сейчас, но в течение недели из Москвы стоит выбраться, потому что лето скоро кончится. Лиза поинтересовалась, уверен ли я, что хочу опустошить наши сбережения, и в ответ я ее заверил, что очень скоро они вернутся к прежнему уровню. Так оно и будет, Василий Дмитриевич о сотрудниках заботится и моральные издержки всегда компенсирует материально.

11

Весь день я занимался консервацией оборудования. Консервация заключается в том, что оборудование приводится в состояние, в котором пристальный взгляд, брошенный на него сторонним наблюдателем, может вызвать смутное подозрение, но не более. Поводов к аресту оборудования или, тем более, к аресту сотрудников компании, быть не должно.

Проще всего дело обстоит с автоматической линией, штампующей микросхемы. Достаточно всего лишь поменять программу и линия начинает штамповать совсекретную продукцию оборонного назначения. Большая часть этой продукции изготовляется в те периоды времени, когда руководство компании опасается проверок. Заказчик об этом знает, но ему важно только то, что годовой объем поставок в точности совпадает с тем, что записано в контракте, а сколько микросхем в каком месяце изготовлено, его не волнует. Хорошо иметь дело с госзаказами.

С линией, штампующей DVD, дела обстоят сложнее. Теоретически, ее тоже можно перевести на выпуск легальной продукции, но найти для DVD такого же неприхотливого заказчика, как для микросхем, нереально. Поэтому с этим цехом мы поступаем по-другому.

Вначале вся территория цеха тщательнейшим образом проверяется на предмет наличия заготовок или, не приведи господь, готовых дисков. Все обнаруженное сваливается в большие металлические ящики, которые складируются в специально предназначенном для этого подвальном помещении. На всех планах здания это помещение отсутствует, обнаружить его можно только случайно. Но какой нормальный человек попрется изучать тесный коридорчик с низким потолком, под которым не только ни одной лампы не горит, но и проводка отсутствует? А если какой маньяк и полезет в этот закуток, то очень скоро он обнаружит короткую лестницу, нижние ступени которой затоплены водой. Чтобы добраться до склада незаконных вещей, надо метров двадцать брести по пояс в холодной воде.

Когда схрон заполняют продукцией, никто, конечно, не таскает тяжеленные ящики по пояс в воде. Вода откачивается, вдоль стены протягивается временная проводка, устанавливаются фонари, и рабочие, временно переквалифицировавшиеся в грузчиков, работают в относительном комфорте. А потом, когда аврал заканчивается, коридор снова затапливается водой, рабочие получают честно заработанную премию и расходятся по

домам, потому что они считаются как бы уволенными до того момента, когда производство можно будет снова расконсервировать. Впрочем, с формальной точки зрения они у нас вообще не работают, потому что по документам эта линия остановлена в день принятия нового закона об авторских правах и с тех пор ни разу не запускалась.

На первый взгляд, схрон в подвале — не самое надежное место для хранения компромата. Но в подвал не так-то просто войти даже с ордером. Режимный отдел завода, на котором мы арендуем часть территории, относится к подвалам просто параноически. Подозреваю, что не мы одни храним там вещи, не предназначенные для посторонних глаз. Это хорошо — можно сильно сэкономить на взятках.

После того, как основной компромат захоронен в подземелье, наступает время повторного осмотра территории. Обычно две-три болванки где-то находятся. А потом начинается самое интересное.

Пол тщательно подметается, а затем с помощью специальной установки равномерно посыпается пылью. Из соседнего помещения извлекается специально подобранный мусор, который живописно распределяется по цеху, создавая впечатление, что линия действительно простаивает черт знает сколько времени. В качестве финального аккорда в помещение запускается десяток крыс и два десятка мышей из зоомагазина.

Если проверка все-таки приходит, уходит она не солоно хлебавши. Чтобы определить, что линия остановлена не в прошлом году, а вчера, нужна экспертиза. А кто будет ее проводить?

Простого человека со стороны на территорию режимного объекта не допустят. А экспертов, имеющих соответствующий допуск, не так много и я лично знаю почти всех. В прошлом году один не в меру ретивый опер заказал экспертизу, а потом рвал на себе волосы, потому что экспертиза показала, что линия простаивает не менее шести месяцев, в результате чего все другие доказательства, сами по себе весьма серьезные, стали стоить не дороже выеденного яйца. Прокурор приезжал к Василию Дмитриевичу, просил дать хоть сколько-нибудь денег, чтобы коллеги не смеялись, но Василий Дмитриевич денег не дал, а вместо этого порекомендовал лучше воспитывать своих подчиненных. Удивительная была история, уголовное дело рассыпалось без единой взятки и если бы Василий Дмитриевич кому-нибудь об этом рассказал, история вошла бы в легенды, но Василий Дмитриевич никому о случившемся не рассказывал. Василий Дмитриевич — человек умный и знает, чем хвастаться

можно, а чем лучше не надо.

За заботами незаметно прошел весь день. Когда процедура консервации подошла к концу, был уже седьмой час. Я позвонил Василию Дмитриевичу, доложил, что все сделано, и спросил, не стоит ли мне к нему подъехать. Василий Дмитриевич похвалил за оперативность и сказал, что подъехать стоит.

12

— Кое-что прояснилось, — сообщил Василий Дмитриевич. — Заказ поступил из Тамбова.

— «Сапфир?» — уточнил я.

— Он самый, «Сапфир».

ОАО «Сапфир» родилось в начале ельцинской эпохи из руин электронного завода, работающего на оборонную промышленность. Производственная база у них раза в три больше, чем у нас, но у нас есть большое преимущество — мы территориально находимся в Москве, а они в Тамбове. Мы ближе к конечному потребителю, мы экономим на бензине и солярке для грузовиков и на взятках на постах ГАИ. Кроме того, у Василия Дмитриевича связей в верхах побольше, чем у Дадамяна.

Ваге Гургенович Дадамян, нынешний хозяин «Сапфира», однажды пытался подкатить к Василию Дмитриевичу с предложением объединить наши компании. Условия предлагались примерно те же, что Путин в свое время предлагал Лукашенко. В отличие от белорусского президента, Василий Дмитриевич не стал долго разводить словоблудие, а отказался сразу, резко и категорично. Дадамян стал намекать на возможные последствия, Василий Дмитриевич пожаловался крыше и неприятных последствий не последовало. Нет, с Дадамяном ничего плохого не сделали, не было ни убийств, ни шантажа, ни портфелей с компроматом, даже маски-шоу не было. Просто однажды к Ваге Гургеновичу подошел один уважаемый человек и вежливо обрисовал ситуацию. Дадамян — человек неглупый, аргументацию воспринял адекватно и от претензий отказался. До поры до времени.

— А вы уверены, что это «Сапфир»? — спросил я. — Уж очень странно все это выглядит…

— Источник абсолютно надежный, — заявил Василий Дмитриевич. — Косвенные данные тоже подтверждают версию. Из Нижнего только что сообщили, что конфискованные диски продали из-под полы Дадамяну.

— Чего он хочет? Передела сфер влияния? Или будет снова предлагать объединиться?

— Вот ты и разберешься, — сказал Василий Дмитриевич. — У меня есть информация только о фактах, но не о намерениях. На контакт со мной Дадамян не выходил, до вчерашнего дня вообще никаких предвестников не было.

— Почему он начал действовать именно сейчас? — задал я риторический вопрос. — Что его спровоцировало? Мы ему дорогу

нигде не переходили, все договоренности соблюдали пунктуально. Может, у нас какая-то слабость появилась? Кого-то из крыши поперли на пенсию?

— Типун тебе на язык! — воскликнул Василий Дмитриевич. — Нет, слава богу, ничего такого не было. Эта вот внезапность больше всего меня тревожит. Наверняка все просто объясняется, но до тех пор, пока я это не выяснил, мне не по себе. Может, кто-то из наших орлов слишком борзый наехал на дадамяновских. Может, действительно в верхах начались новые перетряски, может, у нас завтра крыша рухнет, не дай бог. А может, Дадамяну случайно подвернулась возможность поднасрать нам по мелочи, растрясти на дополнительные взятки. Для нас это самый лучший вариант.

— Есть еще один вариант, еще лучше, — заметил я. — Дадамян ошибся. Неправильно оценил информацию или вообще получил дезу.

— Если дезу — это плохо, — сказал Василий Дмитриевич. — Если ему подсунули дезу, значит, кто-то третий начал разводить нас на бабки. По любому, тебе надо во всем разобраться, это сейчас твоя первостепенная задача.

— Разберусь, — сказал я. — Прямо сейчас и начну.

— Начинай. Как что узнаешь, держи меня в курсе.

13

Алексей Коновальченко был исполнительным директором ООО «Триплекс». Эта фирмочка имела микроскопический уставной капитал и столь же микроскопический офис, а работало в ней семь человек, включая секретаршу и уборщицу.

Вопреки названию, «Триплекс» занимался вовсе не производством или продажей автомобильного стекла, а оптовыми поставками пиратских сидюков, изготовленных в Тамбове.

Большинство клиентов «Триплекса» искренне полагали, что продукция произведена в Китае. В этом мнении их укрепляли не только жуткие грамматические ошибки в надписях на упаковке, но и десятки других мелких деталей, тщательно продуманных службой безопасности «Сапфира». Фактически «Триплекс» был дочерним предприятием «Сапфира», хотя ни один суд этот факт ни за что не признает. В лучших традициях российского бизнеса «Триплекс» был зарегистрирован по паспорту покойника, а все взаимодействие с родительской компанией было оформлено так, что слово «Сапфир» не встречалось ни в одном из документов «Триплекса», а слово «Триплекс» не встречалось ни в одном из документов «Сапфира».

Леша Коновальченко был неплохим парнем, но, как и большинство российских бизнесменов, любил выпить. Ничего удивительного в этом нет — тяжелая работа, колоссальные нервные перегрузки, постоянные переговоры с партнерами, каждый успех в которых надо обязательно отметить. Как и многие российские бизнесмены, Леша иногда выпивал больше, чем мог, но меньше, чем хотел.

Я завербовал его в позапрошлом году. Вербовка прошла по отработанной схеме, описанной во множестве детективных романов. День рождения одного уважаемого человека, много виски, коньяка и девочек, из ресторана веселье переместилось в нумера, Леша как-то незаметно отстал от компании, а потом вдруг обнаружил, что здоровенный амбал в ментовской форме рекомендует ему слезть с девицы и одеться. Леша оделся и почти успокоился, как вдруг выяснилось, что девочке, с которой он слез, по паспорту не восемнадцать лет и даже не шестнадцать, а всего лишь четырнадцать с половиной. Леша очень удивился и стал громко ругаться, сетуя на непомерную акселерацию нынешней молодежи вкупе с непомерным бесстыдством. Мент посочувствовал, но взятку брать отказался. Иногда у ментов горит план по отлову преступников, иногда они начинают искать среди себя оборотней, короче, бывают периоды, когда менты взяток не

берут. Эти периоды долго не длятся, но тому, кто попал в поле зрения доблестной милиции в такой период, от этого не легче.

Леша стал предлагать все большие и большие суммы, но мент был непробиваем. Лешу посадили в «луноход», привезли в отделение и заставили подписать чистосердечное признание. Его даже не били, он все подписал сам.

А потом на сцене появился я. По-хорошему, мне надо было представиться сотрудником ОБЭП и вербовать Лешу под чужим флагом, но это было невозможно — слишком много у нас общих знакомых, рано или поздно истина выплыла бы наружу.

Пришлось играть в открытую. Я объяснил Леше, что вся операция организована мной и что у Леши теперь есть два выхода — отдаться на милость закона или отдаться на милость меня. В первом случае ему предстояло провести несколько лет в роли пассивного гомосексуалиста, потому что с такой статьей, какая ему светила, сохранить традиционную ориентацию очень трудно, для этого надо быть очень крепким, как физически, так и душевно. Во втором случае Леше следовало собственноручно написать другую бумагу, нет, не подписку о сотрудничестве, а всего лишь расписку в получении денег. Леша спросил, за что я ему собираюсь заплатить деньги, я ответил, что за информацию, которой он поделится прямо сейчас. Леша немного посидел, повесив голову, а потом начал говорить.

Ничего дельного он не сказал, но я его внимательно слушал и всем видом показывал, насколько эта информация полезна «Кохинору» и насколько вредно «Сапфиру» то, что ее знают не только те, для кого она предназначена. Леша говорил очень долго, в моем диктофоне уже заканчивалась кассета, а он все не унимался. В конце концов он унялся и мы мирно разошлись.

Леша так и не узнал, что девочке, с которой его сняли, было девятнадцать лет. Просто внешность у нее очень своеобразная — маленькая, пухленькая и с детским личиком, сразу и не поймешь, то ли лолитка-акселератка, то ли взрослая баба. Такие девочки в нашей среде нарасхват, идеальный инструмент для вербовки.

Если бы Леша заглянул в ее паспорт, он бы сразу все понял, но человек в милицейской форме не дал ему заглянуть в паспорт, он просто зачитал данные вслух, а Леша постеснялся проверить. Леша до сих пор думает, что легко отделался.

Мы с ним встречаемся приблизительно раз в два месяца. Он мне передает кое-какие документы, кое-что рассказывает на словах и каждый раз, когда я докладываю шефу об обстановке на фронтах, все многословные речи Леши Коновальченко превращаются в одну мою фразу — в «Сапфире» все спокойно.

Я вербовал Лешу в расчете на тот маловероятный случай,

если между «Кохинором» и «Сапфиром» вдруг разразится торговая война. Сейчас этот момент настал.

Мы встретились с ним в маленьком кафе в центре города. Я хотел устроить встречу утром, но Леша сказал, что на утро у него запланировано очень важное совещание и встретиться со мной он сможет только в обеденный перерыв.

Обычно Леша так себя не вел, он всегда сразу соглашался на мои условия. В первое время после вербовки он меня боялся, а потом привык и даже привязался. Между агентом и куратором такие отношения складываются гораздо чаще, чем принято считать. Особенно хорошо повлиял на наши отношения один случай, когда я слил ему информацию, позволившую решить одну мелкую проблему «Триплекса». Леша не знал, что та проблема была организована при моем участии.

— Привет! — сказал Леша, усаживаясь за столик. — Зачем звал?

— Привет, — сказал я. — Что у вас за суета сегодня? Помощь нужна?

Леша странно посмотрел на меня и стало очевидно, что Василий Дмитриевич был прав, между «Сапфиром» и «Кохинором» действительно началась война.

— Рассказывай, — сказал я.

— Что рассказывать? — Леша состроил удивленную физиономию.

— Для начала расскажи про Очаково, — подсказал я. — Вчера менты опечатали склад с пиратскими дисками, принадлежащий одной из наших фирмочек. Наружка говорит, что продукцию еще не вывозили. Я полагаю, сегодня утром у вас планировали операцию?

— Нет, — Леша помотал головой, — вывоз дисков обеспечивает крыша, мы планировали, куда их потом девать.

— И куда?

Леша вытащил из внутреннего кармана пиджака трехдюймовую дискету и положил ее передо мной. Я посмотрел на Лешу с неудовольствием.

— Болванку пожалел? — спросил я. — Не прочитается — обижусь.

— Прочитается, — заверил меня Леша. — Только сегодня отформатировал.

— В который раз?

— В первый. На прошлой неделе запечатанную коробку в столе нашел.

— Ну, смотри, — сказал я. — Когда поступила информация о складе?

— Сегодня.

— Только сегодня? Не врешь?

— Не вру, — заверил меня Леша. — На совещании Федотов говорил, что у вас было маски-шоу, но я думаю, что это не наша работа. Если бы шоу организовали наши, совещание провели бы заранее и не пришлось бы все организовывать в такой спешке. Просто кто-то наверху вовремя узнал, какой хороший случай подворачивается, и подсуетился.

— С чего такая уверенность? — поинтересовался я.

— Если уж начинать войну, то первый удар должен быть массированным, — сказал Леша. — Так не делают — один склад захватили и тут же успокоились.

— Может, не успокоились? Может, у вас в верхах что-то еще планируется?

— Тогда тем более глупо. Вы ведь тоже не дураки, все остальное уже наверняка попрятали. А один склад для вас — тьфу. Ваге Гургенович не идиот, чтобы насмерть ругаться с Цодиковым из-за каких-то двух миллионов. Если из-за каждой мелочи идти на крайние меры, то очень скоро начинается конкретная уголовщина.

— Уголовщина уже началась, — сообщил я. — У нас одного человека убили. Убийство явно заказное и мотив понятен — товарищ слишком много знал.

Леша вытаращил глаза и разинул рот.

— Кого это? — спросил он.

— Ты его не знаешь. Он не из руководства, обычный сотрудник, просто знал слишком много.

Леша вдруг нахмурился.

— На что это ты намекаешь? — подозрительно спросил он. — Что я тоже слишком много знаю?

— Да бог с тобой, к тебе претензий нет, — заверил его я. — Просто ты сказал, что может начаться уголовщина, а я тебе говорю, что она уже началась. И мне это не более приятно, чем тебе.

— Убили наши? — спросил Леша.

— Убили не ваши, убили киллеры. Заказали, я полагаю, ваши — больше некому. Но ты лучше вот что скажи. Допустим, склад вы разграбите, диски продадите. Что будет дальше? Налет на завод? На офис? Убийство Цодикова? Убийство меня?

— Да ничего не будет! — воскликнул Леша. — Я тебе уже второй раз говорю, а ты все не понимаешь. Я специально у Федотова спрашивал, что планировать на будущее, а Федотов ясно сказал — акция разовая, ничего планировать не надо.

— Ну ладно, допустим, — сказал я. — На этой дискетке все

записано? Я имею ввиду, еще что-нибудь есть, чего там нет и что я должен знать?

— Вроде нет, — сказал Леша. — Но ты учти, я никаких деталей не знаю. Мое дело — раскидать груз по точкам, а все остальное — уже не мое дело.

— Понял, — сказал я. — Если будут вопросы, я тебе еще позвоню. А пока бывай.

Я положил на стол запечатанный бумажный конверт, встал и пошел к выходу.

14

Дискета прочиталась без проблем. Деталей предстоящего разграбления склада на ней не было, но общая схема была ясна. Завтра утром к опечатанному складу подъезжает две-три ментовские машины, «Газель» с грузчиками и одна большая фура. Грузчики загружают фуру, она под охраной прибывает на Очаковский таможенный терминал, там ее разгружают, сидюки распихивают по десяти «Газелям», которые разъезжаются по точкам в соответствии со схемой, содержащейся на дискете. Потом вся операция повторяется еще дважды.

Я попытался дозвониться до полковника Рогачева из ОБЭП, но телефон не отвечал, ни городской, ни сотовый. Маскируется, гад, увидел на определителе, кто звонит, и не снимает трубку. Неужели все так плохо?

Я доложил полученную информацию Василию Дмитриевичу, тот немного подумал и неожиданно предложил провести силовую операцию. Мне показалось, что я ослышался.

— Как вы это себе представляете? — спросил я. — Как можно угнать фуру, которую сопровождают пять вооруженных ментов? Они же сразу поймут, кто на них наехал, от нас мокрого места не останется. По-моему, у нас нет другого выхода, кроме как смириться с потерями, в конце концов, три миллиона — не так уж и много. Кстати, — до меня только сейчас дошло, — агент говорил о двух миллионах.

— Один миллион уйдет ментам, чтобы не обижались, — сказал Василий Дмитриевич. А насчет того, чтобы смириться, ты неправ, Илья. Если я прощу «Сапфиру» три лимона, надо мной потом все смеяться будут. Или ты боишься, что твои орлы не справятся?

— А как? — спросил я. — Захватывать фуру — самоубийство. Захватить тридцать «Газелей» — нереально, у меня людей не хватит. Брать груз на точках будет уже поздно, так мы накажем не «Сапфир», а его партнеров, товар будет уже у них.

— Наказать партнеров — тоже вариант, — заметил Василий Дмитриевич.

— Плохой вариант, — сказал я. — Если использовать только моих людей, мы сможем вернуть, дай бог, миллион. А если привлекать посторонних, им платить придется, да и утечка информации пойдет. Представляете, какой шухер по всей Москве поднимется? Нас закопают.

— Ты должен что-нибудь придумать, — заявил Василий Дмитриевич. — Ответ может быть асимметричным, но он должен

быть. Если мы утремся и будем обтекать, мы потеряем все, не сразу, но потеряем. В нашем бизнесе нельзя терпеть поражения, стоит только проиграть один раз, и тебя растопчут. Мы не можем стерпеть это оскорбление. Думай, Илья, ты обязательно должен что-то придумать.

15

Легко сказать — что-то придумать. Что придумать? Чем больше я думал, тем более безнадежным казалось задание.

Приходится признать, что товар, лежащий на опечатанном складе, для нас потерян безвозвратно. Если попытаться его вернуть, последствия будут такие, что лучше не пытаться. А если не возвращать, а уничтожить? Типа, ни вашим, ни нашим? Нет, тоже не годится. Прикормленные «Сапфиром» менты смертельно обидятся и начнут раскручивать дело о нарушении авторских прав по полной программе. Теоретически, можно сдать им ту фирмочку, на которую записан этот злосчастный склад, но на практике так лучше не делать. Если сеньор сдает одного вассала, другие начинают бояться, что их тоже кинут, а это не способствует хорошему моральному климату внутри компании. Придется подарить три миллиона «Сапфиру», пусть подавятся. Только как сделать, чтобы они подавились?

Способ остается только один — асимметричный ответ. Сделать «Сапфиру» какую-нибудь гадость, никак внешне не связанную с последними событиями. Гадость миллиона на три-четыре, больше не нужно — по понятиям это будет как бы превышение необходимой обороны. Вот только какую гадость сделать?

Можно слить ментам информацию обо всех торговых точках, с которыми работает «Триплекс». По первым прикидкам ущерб будет примерно такой, какой нужен, но Лешу Коновальченко расколют в момент. Стоит ли оно того? Не знаю.

Что еще можно сделать? Заняться конкретной уголовщиной? Набить морду кому-нибудь из высокопоставленных менеджеров «Сапфира»? Или вообще заказать? Не пойдет. Тогда Федотов, начальник службы безопасности «Сапфира», отдаст своим орлам приказ набить морду кому-нибудь из наших, мне придется реагировать и понеслось мочилово… Нет, в такие игры без крайней нужды мы играть не будем.

Еще один вариант — отплатить «Сапфиру» той же монетой. От Леши Коновальченко я знаю, где «Сапфир» хранит в Москве свою продукцию, если слить эту информацию ментам… Лешу расколют. А если подсунуть им другой источник информации? Но какой?

Срочно завербовать еще кого-нибудь? Разработка операции займет не одну неделю, а потом придется выждать месяца три, а еще лучше полгода, чтобы не было очевидно, что вербовка является отвлекающим маневром. На худой конец сойдет, но

только на самый худой конец.

И тут меня посетила неожиданная мысль. А что, если загнать «Сапфиру» в локальную сеть троян наподобие того, который некие неизвестные личности загнали нам? А почему, кстати, неизвестные? Все очень хорошо сходится.

Троян долго сидел в нашей сети, давая «Сапфиру» полезную информацию. Потом Володя Глотов трояна нашел, троян самоликвидировался, Володю убили, а чтобы замести следы, заплатили подполковнику Жихареву из ОБЭП и тот устроил маски-шоу. Кстати, надо уточнить, как обстоят дела с Жихаревым, что-то я совсем об этом запамятовал.

Нет, не сходится. Разведка «Сапфира» никак не могла слить из нашей сети настолько ценную информацию, чтобы оправдать заказное убийство. Окупить маски-шоу — это да, но не убийство. Если бы не те следы в грязи, я бы сказал, что Глотова действительно замочили малолетние наркоманы, но следы не позволяют в это поверить.

Итак, троян приказал долго жить, и деятели из «Сапфира» решили напоследок воспользоваться плодами его труда. Они слили в ОБЭП информацию о том, где «Кохинор» складывает нелегальную продукцию… опять не сходится. Почему они не слили ментам всю информацию? Не смогли найти в нашей сети адреса остальных складов? Что-то сомнительно. Сколько времени у нас в сети жил этот троян? Надо, кстати, Денису позвонить, узнать, что он накопал.

В отличие от Рогачева, Денис трубку взял сразу.

— Привет, Илья, — сказал он. — Подъезжай, есть о чем поговорить.

16

Зябко пригибаясь под проливным дождем, Денис добежал до моей машины, открыл дверь и сел на пассажирское сиденье.

— Ну и погода, — сказал Денис, поежился и протянул руку.

Я молча пожал руку и стал ждать, что Денис скажет.

— Я слышал, у «Кохинора» неприятности, — сказал Денис.

Я молча кивнул, стараясь не показывать удивления. Обычно Денис не интересуется ничем, кроме своих компьютерных дел, если даже он знает о наших неприятностях, значит, все очень плохо. В новостях информация о наших делах не появлялась, откуда, спрашивается, Денис мог узнать о происходящих событиях? Только от своих коллег. А с какой стати коллеги сообщили ему об этом? Это очевидно. Кто-то из тех, кто знает, что Денис с нами сотрудничает, предостерег его от слишком тесного общения с умирающей компанией. Сейчас Денис будет сочувственно выслушивать мои сетования на судьбу, потом вежливо извинится и попросит больше ему не звонить. Неприятно, но все равно так честнее, чем как поступил Рогачев. По крайней мере, Денис не стыдится взглянуть мне в глаза в последний раз.

— Рассказывай, — сказал Денис.

— Зачем? — спросил я. — Ты и так все знаешь.

— Не все. А мне нужно знать все.

— Зачем?

Денис внимательно посмотрел на меня и уголки его губ опустились вниз, придавая лицу немного брезгливое выражение.

— Ты что это? — спросил он. — Совсем расклеился? Соберись! Ничего непоправимого не случилось.

Я пожал плечами.

— Кто знает? — обратился я к пространству с риторическим вопросом. — Может, и не случилось…

— Давай, Илья, рассказывай, — сказал Денис. — В конце рассказа тебя ждет сюрприз.

— Какой сюрприз?

— Неожиданный. Но сначала рассказывай про дела фирмы.

— Вербуешь? — безразлично спросил я. — Не поздно ли?

— Не поздно, — заявил Денис, понял, что попал в словесную ловушку и смешался. — Да, вербую, можно и так сказать. Только ты сам подумай, что лучше — стучать в ФСБ или быть трупом?

Ему удалось меня удивить.

— А что, все так плохо? — спросил я.

— Хуже некуда, — обнадежил меня Денис. — Ты знаешь не

меньше, чем Глотов, а замочить тебя еще проще, чем его. Потому что не надо легендировать мотивы, все спишется на «Сапфир».

До меня начало доходить, на что он намекает.

— Так это не «Сапфир» на нас наезжает? — спросил я. — Ну-ка, поподробнее.

— Сначала ты. Ты пойми, я и так знаю почти все, что у вас происходит, но я хочу знать абсолютно все, что мне нужно. А если я тебе объясню, что происходит и что мне нужно, ты начнешь мыслить предвзято и расскажешь совсем не то. Рассказывай.

Я вздохнул и начал рассказывать.

Мой рассказ был кратким, я не вдавался в подробности и выдал совсем немного корпоративных тайн. Денис внимательно выслушал меня, не перебивая и совсем не задавая наводящих вопросов, а когда я умолк, выговорившись, он констатировал:

— Так я и думал. А теперь слушай сюда.

Денис вытащил сигарету и закурил. Я тоже закурил.

Рассказ свой Денис начал неожиданно.

— Я консультирую не только тебя, — сказал он. — Да ты и сам, наверное, понимаешь. Хороших людей много, всем нужно примерно то же самое, а дополнительные деньги никогда не помешают. Кроме «Кохинора», я постоянно работаю еще с двумя компаниями. У обоих в сети сидит ваш троян.

Я почувствовал некую неясную надежду.

— Кто его засадил, ты выяснил? — спросил я.

— Если бы я выяснил, мы бы с тобой не так разговаривали, — сказал Денис. — Нет, я не выяснил. Троян очень параноический, он очень чувствителен к изменениям программной среды, стоит только посмотреть на него повнимательнее и он тут же самоуничтожается. А перед этим, я полагаю, он отправляет кодированный сигнал своим хозяевам. Так должно быть, иначе нельзя объяснить то, что произошло в той компании.

— А что там произошло? — спросил я.

— Произошло там вот что. Их главный сисадмин, тот человек, с которым я непосредственно работал, трагически погиб. Отказало рулевое управление, вылетел на встречную полосу, погиб на месте, во второй машине еще три трупа. Когда я об этом узнал, я вспомнил про Глотова, позвонил в московскую управу одному хорошему человеку, тот взял достал из сейфа МУРовскую ксиву, съездил в ГАИ и нашел разбитую машину на свалке. Он туда не один приехал, он взял с собой одного человека из этих… ну, которые бомбы террористические разминируют… короче, явная диверсия. К креплению наконечника правой рулевой тяги приделали пиропатрон, при превышении заданной скорости он сработал, тяга отлетела, машину вынесло на встречку и капут.

Менты ничего не заметили, они вообще не смотрели как следует, а если и смотрели, то внимания не обратили. Написали в протоколе «техническая неисправность» и все. Но это еще не самое интересное. Знаешь, что произошло на следующий день?

Я отрицательно помотал головой.

— Маски-шоу в центральном офисе, — торжествующе провозгласил Денис. — Знаешь, кто его проводил?

— Подполковник Жихарев? — предположил я.

В этот момент у Дениса в кармане «Битлз» заиграли «Girl». Денис вытащил мобильник, взглянул на экранчик, нажал кнопку приема и крикнул в трубку:

— Алло!

Похоже, связь оборвалась. Денис еще раз озадаченно посмотрел на экранчик и сказал:

— Третий раз уже за сегодня. Кто-то никак прозвониться не может. Самое противное, что номер не определяется.

— Переходи в МТС, — посоветовал я. — У них связь чуть получше.

— Вот именно, что чуть, — скривился Денис. — Придется номер менять, SMS-ки всем рассылать… ну его.

Что-то щелкнуло, Денис странно хрюкнул и плюнул мне в лицо. Я недоуменно повернулся к нему и увидел, что вместо левой половины головы у Дениса сплошное кроваво-мозговое месиво, в котором тут и там белеют острые обломки костей.

Вторая пуля ударила Дениса в правое плечо, а третья просвистела совсем рядом с моей головой. Меня спасли рефлексы, заставившие меня открыть водительскую дверь и вывалиться наружу еще до того, как сознание осознало, что произошло. Если бы я продолжал сидеть неподвижно, третья пуля была бы моей.

Я машинально выхватил пистолет из-под куртки и скорчился за передним крылом. Сердце колотилось, как бешеное, голова была пустая и ничего не соображала. Это плохо, надо срочно приходить в себя и начинать соображать.

Я восстановил в памяти моментальный снимок внутренностей моего «Пассата», зафиксированный в момент, когда первая пуля разворотила голову Дениса. Дырка была в дверном стекле, да, в стекле, а не в крыше, причем в нижней части стекла. Пули шли практически горизонтально, а это значит, что убийца стрелял… наверное, из того скверика, что через дорогу. Засел в беседку для детей и алкоголиков, положил ствол на перила, да и выстрелил.

Стрелял он из снайперской винтовки, из другого оружия на таком расстоянии в человеческую голову с первого выстрела не

попасть. Особенно при такой видимости. Дождь, правда, практически перестал, только чуть-чуть моросит, но видимость все равно далека от идеальной.

Теперь понятно, почему подсознание вынесло меня именно в эту позицию. Оттуда, где засел киллер, меня теперь не достать. Если только рядом нет дублера.

Нет, дублера рядом быть не может, может быть только корректировщик. Стоянка рядом с ФСБшным зданием без всякого сомнения просматривается камерами наружного наблюдения, причем здесь они не только для того, чтобы пугать, но и для того, чтобы смотреть в мониторы. Минуты через три здесь появится охрана здания… нет, минут через пять, вряд ли они пребывали в момент выстрела в полной боевой готовности, предписанной уставом и инструкциями. Но нет, охрана вряд ли вылезет из здания, они не дураки лезть под огонь снайпера. С одной стороны, ясно, что он уже покинул позицию, но с другой стороны, проверять это предположение своей головой не хочется никому. Сначала надо проверить огневую позицию, убедиться, что снайпер скрылся, и только по том можно безопасно показываться на линии огня. А проверять огневую позицию удобнее охране любого из соседних зданий. Погрузиться в машину, доехать до ближайшего перекрестка, развернуться, зарулить во дворы, выгрузиться, осторожно подойти с тыла… На все про все минут пятнадцать, не меньше. И это только в том случае, если меня заметили сразу.

Черт! Все это верно только при условии, что они поняли, что в машину стрелял снайпер. А для этого нужна камера вон там…

Я осторожно высунулся из-за машины и увидел, что камера в нужном месте имеется. Остается еще вопрос, насколько качественную картинку она дает, можно ли разглядеть на ее мониторе дырки от пуль в стекле пассажирской двери. Если они видят только меня, они будут действовать совсем по-другому.

Из соседнего здания выбегут суровые дядя с автоматами, сделают круг вокруг стоянки, незаметно подберутся ко мне… И увидят пулевые пробоины в моем «Пассате». После этого вряд ли мне стоит опасаться агрессии с их стороны.

Вот и стало понятно, что делать дальше. Ничего не делать, сидеть, мокнуть под дождем и ждать, когда придут местные аналоги Чипа и Дейла. Выскакивать из-за сомнительного прикрытия собственной машины и бежать куда глаза глядят — слишком рискованно. Если рядом дублер…

Нет тут дублера! Если бы он был, меня бы уже давно пристрелили. А вот если рядом корректировщик, тогда выскакивать — гарантированное самоубийство. И не определишь,

в которой машине сидит корректировщик — стекла мокрые, сразу и не разглядишь, есть кто в салоне или нет. А во многих машинах стекла вообще тонированы.

Справа метрах в пятидесяти послышались голоса, я напрягся, но тут же расслабился. От троллейбусной остановки к зданию шло человек десять. Увидев меня, они вытаращили глаза, но никто не остановился. Должно быть, подумали, что учения идут. И в самом деле, разве может идти стрельба под окнами такой уважаемой конторы?

Я дождался, когда люди пройдут мимо, а затем крикнул им вслед:

— Скажите охране у входа, что майор Рушников убит. Выстрел в голову из снайперской винтовки.

Люди не отреагировали на мои слова. Вот будет комедия, если из охраны никто меня не заметил, а эти люди ничего не скажут. Нет, так не может быть, какая-никакая дисциплина у них должна быть…

Я положил пистолет рядом с собой и закурил. Все равно оружие сейчас бесполезно — не верю я, что загадочные киллеры рискнут начать стрельбу под самыми стенами ФСБшного здания. Выстрел из снайперки через дорогу — все-таки немного не то. Обладая известной долей отмороженности, на это решиться можно.